

Серия недройственности
www.не-2.ru

D. E. HARDING

Д. Е. ХАРДИНГ

ON HAVING NO HEAD

ЖИЗНЬ БЕЗ ГОЛОВЫ

ZEN AND THE REDISCOVERY
OF THE OBVIOUS

ДЗЭН ИЛИ ПЕРЕОТКРЫТИЕ
ОЧЕВИДНОГО

FOREWORD BY HUSTON SMITH

ПРЕДИСЛОВИЕ ХЬЮСТОНА СМИТА

THE SHOLLOND TRUST

Открытый Мир
Ганга
Москва, 2006

УДК 1 (540)
ББК 87.7
Х 21

Перевод с английского
Н. Горшковой

Д. Е. Хардинг

Х 21 Жизнь без головы / Д. Е. Хардинг / Пер. с англ.
Н. Горшковой. — М.: Открытый Мир: Издательство
«Ганга», 2006. — 144 с. — Доп. тит. л. англ. — (Серия
недвойственности)
ISBN 5-9743-0048-3 (ООО «Открытый Мир»)
ISBN 5-98882-018-2 (ООО «Издательство Ганга»)

В 1961 году к Дугласу Хардингу пришел опыт его истинной природы — он назвал его «безголовостью». То, что он считал «собой», внезапно ушло вместе с сокрушительным бременем прошлого. Пришло восприятие всего, словно в первый раз, — чистое и незамутненное, обнажившая красота, которая всегда была здесь. Это Место, по недоразумению общепризнанно считающееся занятием головой (вопреки непосредственному восприятию), — на самом деле вмещает в себя всю Вселенную.

В этой глубокой, блестяще написанной книге предлагается исследовать это Место — самое доступное, близкое и как бы хорошо известное, честное исследование которого (доступное каждому!) таит в себе сокровищницу сюрпризов и невообразимых чудес.

УДК 1 (540)
ББК 87.7

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Д. Е. Harding, 1961, 1971, 1986, 2000
© Горина Н., перевод, 2006
© ООО «Открытый Мир», 2006
ISBN 5-9743-0048-3
© ООО «Издательство Ганга», 2006
ISBN 5-98882-018-2

Содержание

Предисловие (Хьюстон Смит)	6
Пролог (Джин Р. Фёрсби)	10
Глава 1. Истинное видение	15
Глава 2. Осмысление видения	21
Глава 3. Открывая дзэн	45
Глава 4. Как закончилась эта история	65
Восемь этапов Пути без головы:	
1. Безголовый младенец	66
2. Ребенок	67
3. Взрослый с головой	69
4. Безголовый видящий	75
5. Практика безголовости	87
6. Отработка	98
7. Преграда	119
8. Прорыв	124
Выводы и заключение	128
Послесловие	130

Предисловие

Я думаю, читатели составят самое полное впечатление о втором, исправленном издании «Жизни без головы», если я расскажу им, как ко мне попало первое издание.

В 1961 году я читал лекции в университете Австралии. На обратном пути я сделал остановку в Бангкоке, чтобы обсудить с Джоном Блофельдом его только что изданные переводы «Учения дээн Хуанбо» и «Учения дээн Хуйхая». В самом начале беседы Джон, в ответ на какое-то мое замечание, потянулся к тонкой книге, лежащей на ротанговом кофейном столике, и сказал, что она появилась у него неделю назад, совершенно случайно. Это была «Жизнь без головы». Я уже не помню, по какой причине Джон взял в руки эту книгу, зато хорошо помню, с каким энтузиазмом он говорил о ней. «Не знаю, что за человек этот Хардинг. Он может оказаться и лондонским таксистом, кто его знает, — сказал Джон. — Но понимание у него абсолютно правильное».

На следующий день, когда я уже стоял в дверях, Джон Блофельд снова протянул мне эту книгу, настойчиво советуя прочесть ее в самолете. К тому времени меня так разоборало

любопытство, что я не стал даже для приличия отказываться от такого щедрого подарка. В наде над Тихим океаном мне представилась возможность проверить, насколько объективной была оценка Блофельда. Джон не ошибся, у Хардинга действительно было правильное понимание.

Не думаю, что очарование этой книги ошутят все люди, ведь никогда нельзя быть уверенным, что они воспримут именно тот смысл ваших слов, который вы вкладываете в них. Но мне еще не встречался такой же четкий и выразительный текст, как в первой главе «Жизни без головы», который мог бы столь же действительно изменить мировосприятие читателя. И мне понятна причина. Дело в том, что образы гораздо эффективнее рассуждений способны интуитивному пониманию, а Хардинг прибег к поистине мощному образу: «У меня нет головы». В первый раз это заявление звучит ошеломляюще, но автор остается верным ему (он то и дело возвращается к своей идее), пока — как и в случае с дээнскими коанами, которые звучат так же абсурдно, когда мы слышим их впервые, — претрада не разрушается, и мы не начинаем видеть все то же самое, но уже иначе.

Тайное становится явным.
Когда логика умирает,
Взору открывается истина.

В первый раз я читал эту книгу в самолете, и, видимо, по ассоциации мне вспоминается еще один полет: рядом со мной сидела очень маленькая седовласая женщина. Она летела на самолете впервые, хотя ей было уже за восемьдесят. Она была не особенно разговорчивой, но в какой-то момент, на высоте 32 тысяч футов над Гранд Рапидс*, она вдруг повернулась ко мне и, как бы между прочим, с совершенным спокойствием спросила: «Почему мы остановились?» Я вздрогнул, но почти сразу же успокоился, улыбнувшись ее наивности. Однако ко мне уже не вернулось прежнее состояние скуки. Стремительный полет в пространстве без намека на звук или движение уже не казался мне банальным. Мир снова наполнился волшебными красками и почти небрежно открывал свои чудеса.

Шаман племени яки Дон Хуан, о котором писал Кастанеда, учит, что если мы хотим видеть по-настоящему, то должны «остановить мир», пресечь его беспреостанное вращение — потрясающий вопрос моей спутницы над Мичиганом и поразительное заявление Хардинга «у меня нет головы» над Тихим океаном помогли мне остановить мир.

Второе издание «Жизни без головы» значительно улучшено. В книгу были включены примеры не только буддийской, но и других

* Grand Rapids, второй по величине город в штате Мичиган, США. (Прим. пер.)

традиций, и добавлена заключительная глава о «Пути без головы», чтобы интегрировать главную идею книги в обывденную жизнь. Но самая главная идея остается неизменной. *Анатта*, не-я (под «я» имеется в виду непостоянное индивидуальное «я») — это ключ не только к буддизму. Если ее правильно осмыслить, она ставит ключом к самой жизни. «Чем меньше я, тем больше Я», — писал Экхарт.

Интуитивно мы понимаем, что так оно и есть. Нам известно, что мы видим лучше, когда перестаем мешать самим себе. Но такова одна из тех истин, которые мы знаем, но не реализуем, поэтому нужно, чтобы нам постоянно напоминали о ней. А лучше сказать, что эта истина должна открыться нам в новом свете, чему и посвящена данная книга.

Давайте считать Хардинга тайно явившимся к нам *роси* — учителем, облаченным (подумать только!) в книжные обложки. И мы, как прилежные ученики, должны быть готовы принять наставления откуда угодно.

Хьюстон Смит
Профессор философии
Хэмлинский Университет
Сент-Пол, Миннесота

Пролог

Задолго до того, как в наших краях стала популярной книга «Автостопом по галактике», эта столь же маленькая, дешевая и глубокая книга уже путешествовала по миру, передаваемая из рук в руки друзьями. Она попадалась не только на журнальных столиках, но и на горных тропах, в общежитиях, в домах и школах. Эти экземпляры были уже порядком истрепаны, уголки у них были закручены, но в своей основе они были такими же цельными, как и люди, которыми они дарили радость. Главная идея этой книги проникает в самую глубину человека и затрагивает его сердце, побуждая постигать свое сокровенное осознание и делиться им с другими.

Эта книга — не тяжеловесный научный труд (слава Богу!), читать ее будет нетрудно. Так или иначе, недавние блестящие исследования дополнили ее метод и подтвердили ее значение. Джекоб Нидлмен написал о преображении нашей жизни посредством идей (в противоположность понятиям) в книге «Сердце философии», Кен Уилбер обсудил простоту высшего сознания (и варианты сопротивления ему) в книге «Никаких границ: восточные и западные

пути личного роста»*, доктор Артур Дейкман определил различие между наблюдающим «я» и наблюдаемым «я» в книге «Наблюдающее "я": мистицизм и психотерапия». Особо отмечу работу Хьюстона Смита о переориентации ключевых способностей восприятия (в противоположность установившейся практике) в книге «За пределами постмодернистского ума». Вот лишь несколько примеров недавних работ, предмет исследования которых Дуглас Хардинг показывает нам из первых рук и от первого лица — в простом, но самой эффективной манере.

Сразу же после своей первой публикации в 1961 году «Жизнь без головы» стала образцом современной литературы о жизни духа. В дополнении к британскому и американскому изданиям, небольшой отрывок этой книги был включен в антологию Хофстадтера и Деннетта «"Я" ума: фантазии и размышления о "я" и душе» (1981 г.), но выбранный отрывок скорее затуманивает главную идею работы Хардинга, поэтому так отродна публикация данного, исправленного издания «Жизни без головы». В Европе она была издана в 1978 году в переводе на французский язык Жана Ван Харка под названием «*Vivre sans tête*».

Среди других достижений мистера Хардинга — карьера в области архитектуры; большое

* Издана на русском в издательстве Трансперсонального Института, 2004 г. (Прим. ред.)

количество писательских трудов, посвященных той же теме, что и эта книга, среди которых самая значительная и сложная работа — «Иерархия неба и земли: новая графическая схема человека во вселенной», которая сопровождается восторженным предисловием христианского ученого К. С. Льюиса; запатентованная трехмерная модель под названием «Исследователь личной вселенной»; постоянные семинары по всему миру, призванные передать людям главную идею этой книги.

Но эта книга не о Дуэглесе Хардинге. Она не ограничена узкими интеллектуальными, организационными или религиозными рамками. Данная книга о том и для того, кто прямо сейчас читает ее.

Джин Р. Фёрсби

Адъюнкт-профессор религии

Университет Флориды

Гейнсвилль, Флорида

Автор просил меня особо отметить следующее:

Потрузившись в самую суть этой книги на первых же ее нескольких страницах (где она абсолютно очевидна и в полной мере доступна), читателю не следует удивляться и смущаться, если он (она) обнаружит в дальнейшем, что кое-что из описываемого далеко от очевидного и совершенно непрактично. Постичь свою подлинную Природу (или безголо-

вость) — значит быть самостоятельным, ступать по уникальному Пути и делать личные открытия. Цель автора (а он в качестве примеров приводит случаи из своей жизни) заключается в том, чтобы научить нас по-настоящему полагаться на Себя. Как писал Эмерсон: «Человеку важнее научиться находить и созерцать тот луч, который освещает его ум изнутри, нежели сияние небесного свода поэтов и мудрецов».

Представьте себе, что здесь вдруг появится человек и отсечет вам голову мечом!

Хуйчжун

Обезглавьте себя!... Растворите все свое тело в Видении и станьте одним бесконечным восприятием!

Руми

Моя душа уносится прочь, а вместе с ней обычно и голова, и я не в силах помешать этому.

Мать Тереза

Прикрой свою грудь пустотой, набрось на голову мантию небытия.

Аттар

Отдайся полностью... Даже если нужно откатиться от самой головы, зачем плакать по ней?

Кабир

Взглядется в Ничто — вот истинное видение, вечное видение.

Шэньхуй

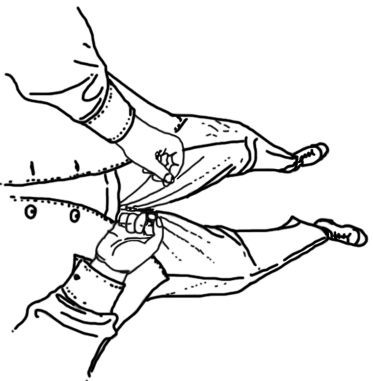
Глава 1 Истинное видение

Лучший день моей жизни — день моего, так сказать, перерождения — наступил, когда я обнаружил, что у меня нет головы. Это не литературный прием, не хитрый ход, замысленный, чтобы вызвать интерес любой ценой. Я говорю абсолютно серьезно: у меня нет головы.

Это открытие я сделал, когда мне было тридцать три года. И хотя это событие произошло совершенно неожиданно, оно стало ответом на настойчивое исследование: в течение нескольких месяцев я был поглощен вопросом «Кто я?». Тот факт, что я тогда путешествовал по Гималаям, вряд ли имел к этому какое-то отношение, хотя говорят, что в тех местах необычные состояния сознания не редки. Как бы то ни было, очень тихий ясный день и вид с того горного хребта, где я стоял, на затянутые дымкой долины и высочайшую горную гряду в мире создавал обрамление, достойное величайшего видения.

Случившееся было до нелепости простым и непримечательным: просто на мгновение я перестал думать. Рассулочность, воображение и вся мысленная болтовня затихли, слова иссяк-

ли по-настоящему. Я забыл свое имя, свою человеческую природу, свою вещественность, все то, что могло называться мной или моим. Прошлое и будущее исчезли. Я будто заново родился в тот миг, свободный от ума и всех воспоминаний. Существовало только Сейчас, тот настоящий момент и все, что несомненно присутствовало в нем. Было достаточно просто смотреть. И вот что я увидел: брошки цвета хаки, заканчивающиеся внизу парой коричневых ботинок, рукава цвета хаки, заканчивающиеся парой розовых кистей, и перед рубашки цвета хаки, заканчивающийся... абсолютно ничем! Уж точно не головой.

Мне не потребовалось много времени, чтобы заметить, что это ничто, эта дыра там, где должна была быть голова, была не просто пустым местом, не просто ничем. Напротив, она

была полностью заполнена. Это была обширная пустота, наполненная до предела, ничто, включающее в себя все — траву, деревья, тенистые холмы вдали и высоко над ними снежные вершины, плывущие в синеве неба подобно стае угловатых облаков. Я потерял голову и обрел целый мир.

У меня буквально захватило дух. Казалось, я вообще перестал дышать, поглощенный Данностью. Он был здесь, этот великодушный вид, ярко сияющий в прозрачном воздухе, ничем не дополненный и не поддерживаемый, загадочным образом висящий в пустоте и — что было по-настоящему чудесно, волшебным и прекрасным — совершенно свободный от «меня», незапятнанный никаким наблюдателем. Его абсолютное присутствие было моим абсолютным отсутствием, телом и душой. Легче воздуха, прозрачнее стекла, полностью свободный от себя, я не находился нигде вокруг.

Но несмотря на магический, сверхъестественный характер этого видения, оно не было ни сном, ни эзотерическим откровением. Напротив, оно ощущалось как внезапное пробуждение от сна быденной жизни, окончание сновидения. Это была самосветящаяся реальность, свободная от затуманивающего ума. *Это было открытие совершенно очевидного, момент ясности в запутанной истории жизни.* Я перестал игнорировать то, что всегда, по крайней мере с раннего детства, не замечал,

потому что был слишком занят, слишком рас- судителен или слишком напуган. Это было чи- стое, необусловленное внимание к тому, что всегда смотрело мне прямо в лицо, — мой аб- солютной безликости. Говоря кратко, это было совершенно просто, ясно и прямо, вне сужде- ний, мыслей и слов. Не возникало ни вопро- сов, ни ассоциаций, помимо самого пережива- ния, — только покой и тихая радость и ощуще- ние, что с меня спала невыносимая ноша.

Нужно отказаться от веры в то, что человече- ское тело отделено от души. Я добьюсь этого... растопив видимые поверхности и проявив скры- тую донныне бесконечность.

Блейк

*«Я пойду и встречу с ней», — сказала Алиса.
«Тебе не удастся сделать это, — ответила Ро- за. — Советую тебе пойти в другую сторону».
Слова Розы показались Алисе бессмысленными, поэтому она, ничего не сказав, сразу же пошла по направлению к Красной Королеве, но, к своему удивлению, тотчас же потеряла ее из виду.
«Алиса в Зазеркалье»*

Глава 2 Осмысление видения

*Я не образец сказочной красоты,
Найдутся и гораздо более красивые люди.
Но мое лицо меня устраивает,
Потому что я за ним.
Оно может оскорбить лишь вкус тех,
кто передо мной.*

*Приписывается
Вудроу Уилсону*

По мере того как первый восторг от моего ги-малайского открытия постепенно проходил, я начал описывать его сам для себя примерно следующим образом.

Раньше я, не вдаваясь в детали, так или иначе представлял, что я населяю свой дом-тело и выглядываю наружу через два маленьких круглых окошка. Теперь оказалось, что всё совершенно не так. Когда я гляжу вдале, как я могу узнать в этот момент, сколько у меня глаз — два, три, сто или ни одного? В сущности, на *этой* стороне моего фасада есть только одно окно, и окно это широко распахнуто, лишено контуров и необъятно, причем никто из него не выглядывает. Всегда оказывается, что у какого-то другого человека есть глаза, а также лицо, обрамляющее их, а у этого — никогда нет.

Значит, существуют два сорта, два кардинально различающихся вида человеческих существ. У первого, к которому, по моим наблюдениям, относится бесчисленное количество представителей, очевидно есть голова на плечах (под «головой» я подразумеваю непрозрачный цветной восьмидюймовый волосатый шар

с разнообразными отверстиями), а у единственного известного мне представителя второго вида, очевидно, ничего подобного на плечах нет. Подумать только, что до сих пор я не замечал такого существенного различия! Слово «жертва продолжительного приступа безумия, своего рода пожизненной галлюцинации (под «галлюцинацией» я имею в виду, как сказано в моем словаре, кажущаяся воспритие предмета, на самом деле отсутствующего), я неизменно считал себя таким же, как все остальные люди, и уж точно никогда не представлял себя безголовым, но все еще живым двуногим. Я закрывал глаза на то единственное, что присутствует всегда и без чего я действительно незряч, — на этот чудесный замеситель головы, эту безграничную ясность, эту сияющую и абсолютно чистую пустоту, которая, тем не менее, сама есть (скорее есть, чем содержит) всё, что есть. Поскольку, как бы внимательно я ни присматривался, я не обнаружу даже пустого экрана, на который спроецированы эти горы, солнце и небо, или чистого зеркала, в котором они отражаются, или прозрачной линзы или глазка, через который они рассматриваются, не говоря уже о том, что я не нахожусь того человека, которому всё это показывается, или хотя бы какого-нибудь зрителя (даже самого призрачного), которого можно было бы отделить от самой картины. Ничто, ничто не вмешивается, даже это непостижимое и не-

уловимое препятствие, называемое «расстоянием»: явно бескрайнее голубое небо, окаймленная розоватыми тенями белизна снегов, сверкающая зелень травы — как могут они быть «далеки», когда нет ничего, от чего можно было бы отдалиться? Безголовая пустота сопротивляется любому размещению и определению: она не круглая, не маленькая, не большая, и нельзя даже сказать, что она «здесь», а не «там». (Впрочем, *если бы* здесь была голова, от которой можно было бы измерять расстояние, то линейка, протянутая от нее до горной вершины, если смотреть на нее с моего конца — а для меня нет другого способа на нее смотреть, — превратится в точку, в ничто.) На самом деле, эти цветные формы показывают себя во всей простоте, без таких усложняющих приемов, как близко или далеко, это или то, мое или не мое, увиденное мной или просто данное. Любая двоякость, любая двойственность субъекта и объекта исчезла — она больше не вписывается в ситуацию, в которой для нее нет места.

Такие мысли посетили меня после видения. Впрочем, пытаюсь вписать этот прямой, непосредственный опыт в форму тех или иных слов означает исказить его, усложняя саму простоту: чем дольше тянется посмертное вскрытие, тем больше мы удаляемся от живого оригинала. В лучшем случае такие описания могут напомнить о видении (без яркой осознанности) либо спровоцировать его повторе-

ние, но они так же бессильны передать его суть или вызвать его, как самое аппетитное меню неспособно передать вкус обеда или лучшая книга о юморе — помочь кому-нибудь понять шутку. С другой стороны, невозможно перестать думать надолго, так что попытки связать ясные интервалы жизни с неясным фоном неизбежны. Кроме того, как я уже сказал, такие описания могут косвенно способствовать повореннию ясности.

В любом случае несколько логических возражений отказываются ждать дальше, причем эти вопросы настаивают на разумных ответах, какими бы недоказательными они ни были. Становится необходимо «подтвердить» свое видение, даже самому себе, а также друзья могут нуждаться в убеждении. В каком-то смысле эта попытка приручения абсурда, поскольку никакие доводы не могут как-то повлиять на переживание, столь же простое и неоспоримое, как звук ноты *do* или вкус клубничного варенья. С другой стороны, однако, такие попытки необходимы, если мы не хотим, чтобы наша жизнь распалась на два абсолютно чуждых друг другу, непримиримых отсека.

* * * * *

Мое первое возращение было таким: голова, может быть, и отсутствует, но не нос. Вполне заметный, он шествует впереди меня, куда бы я ни шел. А ответ был таким: если это туманное,

розоватое и совершенно прозрачное облачко, висящее справа, и такое же облачко, висящее слева, — это носы, то у меня не один нос, а два, а эта совершенно непрозрачная одиноко выступающая деталь, которую я так отчетливо вижу в середине твоего лица, — это не нос: только абсолютно бесчестный или замороженный наблюдатель стал бы намеренно использовать одно и то же слово для столь несхожих вещей. Я предпочитаю следовать своему словарию и обычному смыслу слов, что обязывает меня заключить, что, хотя у большинства людей имеется нос — по шутке на каждого, — у меня нет ни одного.

И всё-таки, если бы какой-нибудь заблуждающийся скептик, сверх меры озабоченный доказательством своей точки зрения, ударил бы кулаком в нужном направлении, целясь промеж двух розовых туманностей, результат был бы столь же болезненным, как если бы у меня был самый материальный и ударопротодный нос. И опять же, как объяснить целый комплекс легких напряжений, движений, давлений, зуда, щекоток, болей, тепла и пульсаций, никогда вполне не покидающих эту центральную область? Наконец, как быть с тактильными ощущениями, которые возникают, когда я исследую это место рукой? Казалось бы, все эти свидетельства, собранные вместе, дают достаточно оснований наличия у меня головы здесь и сейчас.

На мой взгляд, ничего они не дают. Несомненно, здесь присутствует множество разнообразных ощущений, которые невозможно игнорировать, однако в сумме они не составляют голову или что-либо подобное. Единственный способ сделать из них голову — это добавить всевозможные, явно отсутствующие здесь индентификаторы — в особенности всякого рода трехмерные цветные формы. Разве можно назвать головой то, что, хотя и содержит бесчисленные ощущения, явно лишено глаз, ушей, рта, волос и вообще всего телесного оборудования, которое наблюдается у других голов? Очевидно, это место не должно быть запрограммировано подобными препятствиями, туманными или цветными деталями, которые могли бы искажать мою вселенную.

В любом случае каждый раз, когда я пытаюсь нащупать свою голову, я не только не нахожу ее, но и теряю руку, которой шупаю: она тоже оказывается поглощенной бездной в центре моего существа. Очевидно, эта зияющая пустота, это ничем не заполненное ядро всех моих действий, эта ближайшая, но практически неизведанная область, это волшебное место, где, как мне казалось, должна быть моя голова, на самом деле больше похожа на сигнальный огонь, столь яростный, что всё приближающееся к нему мгновенно и полностью уничтожается, чтобы его освещающая весь мир яркость и ясность ни на миг не заслонялась. Что каса-

ется тапящихся там болезненных, шекочущих и прочих ощущений, они так же не могут погасить или заслонить эту центральную яркость, как не могут этого сделать горы, облака и небо. Напротив, все они существуют в ее синнии, и через них ее сияние становится видимым.

Настоящий опыт, какой бы смысл в нем ни заключался, возможен только в пустой и отсутствующей голове. В здесь и сейчас мой мир и моя голова несомнестимы — они не сочетаются. Для них обих нет места на плечах, и мне повезло, что исчезла именно голова со всей ее анатомией. Речь идет не о доказательствах, не о философской пронипательности, не о достижении какого-то состояния, а о простом смотрении: *посмотри, кто здесь, вместо предтавь, кто здесь, или поверь другим, кто здесь*. Если я не могу увидеть, что я есть (и в особенноти, что не есть я), — это потому что во мне слишком много воображения, «духовности», верности и знаний, доверчивости, обусловленности обществом и языком, страха перед очевидным, чтобы принять ситуацию такой, какой я воспринимаю ее в данный момент. Только я могу сказать, что здесь есть. Мне нужна некая чуткая наивность. Требуется чистый взгляд и пустая голова (не говоря уже об отважном сердце), чтобы признать их совершенную пустоту.

Возможно, есть лишь один способ переубедить скептика, который продолжает настаивать, что у меня есть голова, — пригласить его сюда и предложить посмотреть самому. Но он должен быть честным свидетелем, описывающим только то, что видит, и ничего более.

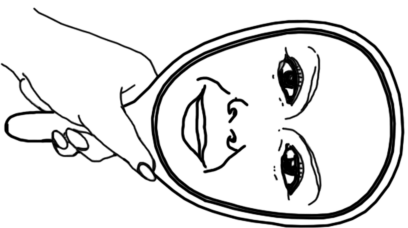
С дальнего конца комнаты он видит меня в полный рост как человека с головой. Но по мере того как он подходит ближе, он видит только полчеловека, затем только голову, затем расплывчатую шею, или глаз, или нос, затем просто неясное пятно, и, наконец (в точке соприкосновения), — вообще ничего. Если же у него окажется необходимое исследовательское оборудование, он сообщит, что неясное пятно распадается на ткани, затем на группы клеток, затем остается одна клетка, клеточное ядро, большая молекула... и так далее, пока он не дойдет до места, где вообще ничего не видно, — до пространства, свободного от любых плотных или материальных объектов. В обоих случаях наблюдатель, приходящий сюда посмотреть, как это выглядит, находит то же, что и я, — пустоту. И если, обнаружив и разделив со мной мою несущность, он обернется (смотря наружу вместе со мной, а не внутрь на меня), он снова обнаружит то же, что и я, — что эта пустота наполнена до краев этой картиной. Он тоже обнаружит эту центральную Точ-

ку, взрывающуюся в Бесконечный Объем, это Ничто — во Все, это Здесь — везде.

И если мой скептический наблюдатель все еще боится полагаться на свои чувства, он может взять камеру — инструмент, который при отсутствии воспоминаний и ожиданий может фиксировать только то, что находится там же, где и он сам. Камера покажет все те же образы меня. Там она снимет человека, посередине — отдельные кусочки человека, здесь — не человека, ничто, а повернутая в обратную сторону, — его мир.

Итак, *эта* голова — не голова, а лжеголовая концепция. Если я все еще могу обнаружить здесь голову, значит у меня «глобки» и мне срочно нужно к врачу. И не важно, свою я голову обнаруживаю, или голову Наполеона, или дэвы Марии, или яичницу, или прекрасный букет цветов — любой набалдашник на плечах означает тяжелые галлюцинации.

Во время периодов ясности, однако, становится очевидно, что здесь я совершенно безголов, но там, с другой стороны, я совсем не безголов, там у меня столько голов, что я не знаю, что с ними делать. Тапшися в видящих меня людях и в камерах, выставленные напоказ в рамках фотографий, корчащие рожи в зеркалах для бритвы, выглядывающие из круглых дверных ручек, ложек и кофейников и вообще

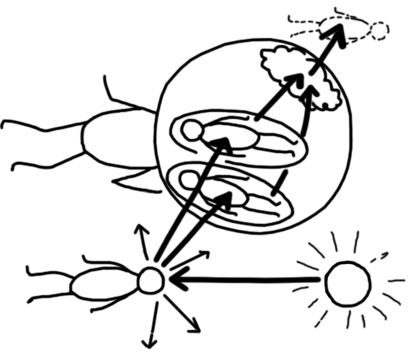
все-то хорошо отполированного, мои головы всегда выскакивают мне навстречу — хотя и довольно съездившиеся и искривленные, вывернутые задом наперед и снизу вверх и разномноженные до бесконечности.

Но есть одно место, где ни одна моя голова просто не может оказаться, — это место здесь, на моих плечах, где она могла бы заслонить эту Центральную Пустоту, мой источник жизни. Но к счастью, ничто не может этого сделать. На самом деле, эти беспутные головы никогда не смогут собраться во что-то более связанное, чем непостоянные и незначимые случайности «внешнего», или феноменального мира, который хотя и един с Центральной Сущностью, но не способен оказать на нее ни малейшего влияния. Так и моя голова в зеркале настолько не-

значима, что я совершенно не обязан считать ее своей: маленьким ребенком я не узнавал себя в зеркале, вот и сейчас не узнаю, когда на миг ко мне возвращается моя невинность. В более разумные мгновения я вижу там целовека, очень знакомого парня, который живет в той другой ванной комнате в зеркале и по-видимому проводит все свое время, плясь на эту ванную комнату — этот маленький, хмурый, очаровательный, видный во всех деталях, стареющий и такой уязвимый наблюдатель — прямая противоположность моего истинного Я здесь. Я никогда не был чем-то отличным от этой вечной, неизмеримой, ясной и совершенно безупречной Пустоты. Немыслимо, чтобы я мог спутать этот пляющийся призрак там с тем, как я в действительности воспринимаю себя здесь и сейчас и всегда!

* * * * *

Все это, каким бы очевидным оно ни было в прямом опыте, кажется чудовищным парадоксом, оскорблением здравого смысла. Это также оскорбление для науки, которая представляет собой все тот же здравый смысл, только приведенный в должный вид. Как бы то ни было, у ученого свои представления о том, как я вижу одни вещи (твою голову, например), но не другие (например, мою голову), и, очевидно, его представления работают. Вопрос только в том, может ли он поместить мою голову

обратно мне на плечи — туда, где, по уверениям людей, ей самое место?

В самом кратком и простом виде его история о том, как я вижу тебя, выглядит следующим образом. Свет покидает солнце и через восемь минут достигает твоего тела, которое частично его поглощает. Остальное отскакивает от него во всех направлениях, и какая-то часть достигает моих глаз, проходя через хрусталики и формируя перевернутую картинку тебя на экране позади глазного яблока. Эта картинка запускает химические процессы в светочувствительном веществе, и эти процессы воздействуют на клетки (это такие крошечные живые существа), из которых состоит экран. Они передают свое возбуждение другим, очень длинными клеткам, а эти в свою очередь — клеткам в определенной области моего мозга. И только

когда достигнута эта конечная точка и молекулы, атомы и частицы этих клеток мозга также подвергнутся воздействию, я вижу тебя или что-то еще. То же относится и к другим чувствам — я не могу ни видеть, ни слышать, ни чувствовать запахи или вкус, ни воспринимать что-либо на ощупь, пока в этот центр после множества радикальных изменений и отсрочек не поступят все сходящиеся импульсы. И только в этой конечной точке, в этом месте и моменте всех прибытий на Главную Центральную Станцию моего Здесь-и-Сейчас вся система сообщений — то, что я называю своей вселенной, — вдруг обретает существование. Для меня это время и место всего творения.

В этой простой научной истории есть множество странностей, крайне далеких от здравого смысла. И самая странная из них — что вывод этой истории отрицает саму историю. Поэтому что он говорит, что я могу знать только то, что происходит здесь и сейчас, на этом вокзале мозга, где чудесным образом создается мой мир. Я совершенно не могу узнать, что происходит где-то еще — в других областях моей головы, в моих глазах, во внешнем мире, — если, конечно, вообще есть какое-то «где-то еще», какой-то внешний мир. Объективная истина состоит в том, что мое тело, твое тело, все на этой Земле, да и сама Вселенная — то, какими они могут быть там, в своем собственном пространстве, независимо от меня — это всего

лишь выдумка, не стоющая нашего внимания. Нет и не может быть никакого доказательства двух параллельных миров (непознанного внешнего, или физического, мира там и известного внутреннего, или ментального, мира здесь, который загадочным образом удваивает его), а только одного этого мира, который всегда нередко мной и в котором я не вижу никакого разделения на сознание и материю, внутреннее и внешнее, душу и тело. Это то, что наблюдается, ни больше ни меньше, это взрыв того центра, той станции, где должно находиться «я», или «мое сознание», — взрыв такой силы, что он изливается в эту бескрайнюю картину, которая сейчас передо мной, которая *есть* я.

Вкратце, научная история восприятия не только не противоречит моей наивной истории, но и подтверждает ее. Предварительно и благоразумно, ученый поместил голову мне на плечи, но она вскоре была вытеснена вселенной. Разумный, или непарадоксальный, взгляд на меня как на «обычного человека с головой» совсем не выдерживает критики — как только я начинаю внимательно его исследовать, он оборачивается чепухой.

* * * * *

И все же, говорю я себе, он вполне пригоден для повседневных практических целей. Я действую так, будто здесь, точно в центре моей

вселенной, висит плотный восьмидюймовый шар. Хотелось бы добавить, что в этом нелюбопытном, воистину твердолобом мире, в котором мы все живем, невозможно избежать такого проявления абсурдности: эта выдумка настолько убедительна, что вполне могла бы быть правдой.

На самом деле это всегда ложь, и довольно часто — весьма неудобная. Из-за нее можно даже лишиться денег. Представьте, например, дизайнера рекламы, которого никто не обвинит в фанатичной преданности истине. Его дело — убедить меня в чем-то, а самый эффективный способ сделать это — представить меня на экране таким, какой я есть в действительности. Соответственно, ему придется не учить меня мою голову. Вместо того чтобы показать другой вид человека — человека с головой, — подносящего бокал или сигарету ко рту, он покажет, как это делает мой вид: правая рука (под безупречно правильным углом в правой нижней части экрана, более или менее лишена предплечья) поднимает бокал или сигарету к этому не-рту, этой зияющей пустоте. Это совсем не чужой человек, а я сам — так, как я вижу себя. И почти неизбежно я вовлекаюсь. Неудивительно, что эти разрозненные части тела, появляющиеся в углах экрана без участия контролирующего механизма головы в центре для соединения или управления ими, кажутся мне совершенно естественными: у меня никогда и

не было ничего другого! И реализм рекламщика, его профессиональное неосознанное знание того, каков я на самом деле, очевидно, окупается стопна: когда моя голова исчезает, непременно падает и моя сопротивляемость распродажам. Однако у всего есть границы: вряд ли он, к примеру, покажет розовое облачко прямо над бокалом или сигаретой, потому что я в любом случае сам возмещу этот кусочек реализма. Нет смысла давать мне еще один прозрачный прозрачный нос.

Режиссеры — тоже практичные люди, гораздо более заинтересованные в пересказанном воссоздании переживания, чем в выяснении природы переживаемого, но по сути одно влечет за собой другое. Несомненно, эти знатоки хорошо осознают, например, как слаба моя

реакция на вид машины, которую ведет кто-то другой, по сравнению с моей реакцией на вид машины, которую, как кажется, веду я. В первом примере я наблюдатель на тротуаре, который видит две похожие машины, — они быстро приближаются, сталкиваются, водители погибают, машины в огне — мне *слегка* интересно. Во втором случае я один из водителей — разумеется, без головы, как и все водители в первом лице, и моя машина (то немногое, что от нее видно) неподвижна. Вот мои качающиеся колени, моя ступня, давящая изо всех сил на газ, мои руки, вцепившиеся в руль, длинный капот впереди, проносящийся со свистом телефонные столбы, петляющая дорога и другая машина — сначала маленькая, но все увеличивающаяся в размерах, несущаяся прямо на меня, затем столкновение, яркая вспышка света и пустая тишина... Я откидываюсь на спинку кресла и перевожу дыхание. Вот так прокатили!

Как снимаются эти сцены в первом лице? Возможны два способа: или берется безголовый манекен с камерой на месте головы, или реальный человек, чья голова сильно отклонена назад или в сторону, чтобы оставить место для камеры. Другими словами, чтобы я мог ожить встать с актером, его голову нужно убрать — он должен стать таким, как я. Потому что картинка меня с головой совсем лишена сходства — это портрет кого-то другого, оптика опознания.

Любопытно, что нужно идти к рекламщику, чтобы заглянуть в глубочайшую и наипростейшую истину о самом себе. Странно также, что сложное современное изобретение (камера) должно помочь избавиться от иллюзии, от которой свободны совсем маленькие дети и животные. Но и в другие времена были свои достаточно любопытные указатели на слишком очевидное, и наша человеческая способность к самообману, разумеется, никогда не была окончательной. Глубоко, хотя и смутное осознание состояния человека может хорошо объяснить популярность множества древних культов и легенд о потерянных и летающих головах, одноглазых и безголовых монстрах и привидениях, о человеческих телах с нечеловеческими головами и о мучениках, которые умудрялись пройти многие мили после того, как им отрубили голову. Несомненно, это фантастические картины, но они подошли ближе к истинному портрету *этого* человека в первом лице единственного числа настоящего времени, чем когда-либо сможет подойти здравый смысл.

* * * * *

Мой гималайский опыт, таким образом, был не просто поэтической выдумкой или мистическим полетом фантазии. Во всех смыслах он обернулся трезвым реализмом. И постепенно, в последующие месяцы и годы я осознал

всю полноту его практических значений и применений.

Например, я увидел, что это новое видение в два счета меняет мои отношения с другими людьми и вообще со всеми существами. В-первых, потому что оно делает невозможным противостояние. Когда я встречаю тебя, для меня существует только одно лицо — твое, так что я никогда не смогу оказаться с тобой лицом к лицу. По сути, мы обмениваемся лицами, и это самый драгоценный и интимный обмен внешностями. Во-вторых, потому что это дает мне отличную возможность заглянуть в Реальность, скрытую за твоей внешностью, в такого тебя, какой ты для самого себя, и у меня есть все причины считать эту Реальность твоим миром. Ибо я должен верить, что то, что верно для меня, верно для всех, что мы все в одинаковом положении — сведены к безголовой пустоте, к ничто, и можем объять все и стать всем. Этот маленький, кажущийся материальным человек с головой, которого я встречаю на улице, — вот кто призрак, не выдерживающий детального рассматривания, хорошо замаскированный, ходячая противоположность и противоречие *реальной*, чье внутреннее и внешнее бесконечно, и мое уважение к этому человеку, как и к любому живому существу, также должно быть бесконечным. Его ценность и великолепие нельзя переоценить. Теперь я точно знаю, кто он и как с ним обращаться.

Фактически, он (или она) и есть я. Пока у нас были головы, мы очевидно были двумя. Но теперь мы — безголовая пустота, так что может разделить нас? Я не могу найти никакую раковину, заключающую эту пустоту, которая есть я, — никакую форму, никаких границ, поэтому ей ничего не остается, как только слиться с другими пустотами.

И я огличный пример такого слияния. Я не сомневалась в словах ученого, который говорит, что с его наблюдательной позиции у меня имеется ясно очерченная голова, состоящая из колоссальной иерархии ясно очерченных тел — органов, клеток и молекул — неисчерпаемо сложный мир физических вещей и процессов. Но случайно оказалось, что я знаю (или, скорее, я есть) внутреннюю историю этого мира и всех его обитателей, и она совершенно не совпадает с внешней историей. Прямо здесь я обнаружил, что все члены этого обширного сообщества, от мельчайшей частицы до самой головы, исчезли, как темнота в солнечном свете. Посторонний не может говорить за них, только я имею на это право, и я кланюсь, что они все ясные, простые, пустые и единые, без малейшего следа разделенности.

Если это относится к голове, то в той же мере относится и ко всему остальному, что ячитаю «собой» и «здесь», — то есть ко всему этому телу-уму. Что собой в действительности представляет то, где я сейчас (спрашиваю я себя)?

Заперт ли я внутри того, что Марк Аврелий называл мешком крови и коррупции (и что мы могли бы назвать ходячим зоопарком, или городом клеток, или химической фабрикой, или облаком частиц), или я снаружи этого? Провожу ли я жизнь внутри плотной человекообразной конструкции (едва ли шесть футов на два на один) или снаружи этой конструкции, или, возможно, и внутри и снаружи? На самом деле все совсем не так. Здесь нет никаких препятствий, нет ни внутри, ни снаружи, ни места, ни его отсутствия, ни укрытия или пристанища — я не нахожусь здесь дома, в котором можно было бы жить или вне которого я был бы вынужден оставаться, и ни дюйма земли, на которой его можно было бы построить. Но эта бездомность вполне меня устраивает — пустота не нуждается в доме. Короче говоря, этот физический рядок вещей, так плотно выглядящий на расстоянии, всегда растворяется без остатка при действительно ближайшем рассмотрении.

И я нахожу, что это касается не только моего человеческого тела, но и моего тотального Тела, всей вселенной. (Даже с точки зрения стороннего наблюдателя различие между этими телами чисто искусственное: это маленькое тело так функционально соединено с другими вещами, так зависит от своего окружения, что немислимо само по себе. Ни одно существо не может выжить и одного мгновения, кроме как в виде единого Тела, которое одно только есть,

самодостаточное, независимое и потому по-настоящему живое.) Какую часть этого тотального Тела занимаю я, зависит от ситуации, но я автоматическим нащупываю стодыко, сколько мне надо. Так я могу легко и просто отождествляться по очереди с головой, моим шестифутовым телом, моей семьей, моей страной, моей планетой и Солнечной системой (как когда я воображаю, что им угрожает опасность) — и так далее, никогда не натываясь на какой-нибудь предел или границу. И каким бы огромным или маленьким ни было мое тело в конкретный момент, та часть мира, которую я называю своей и читаю присутствующей здесь, о которой я сейчас думаю и которую сейчас ощущаю, на которую опираюсь и точку зрения которойчитаю своей, в чреве шкуре нахожусь, — она неизменно оказывается пустотой, ничем в себе. Реальность за всей видимостью ясна, открыта и вполне доступна. Я знаю, как проникнуть в тайное, сокровенное сердце любого существа, каким бы далеким или холодным они казались наблюдателю, потому что мы все — одно Тело, и это Тело — Пустота.

А та Пустота — это эта пустота, полная и неделимая, не разделенная на мою, твою или чью-то еще, она вся присутствует здесь и сейчас. Это самое место, мой наблюдательный пункт, эта конкретная «дыра, где должна быть голова» — это и есть Фундамент и Вместительность всего существования, единственный Источник всего

видимого (когда оно прорецируется «туда») как физический, или феноменальный мир, одна бесконечно плодovitая Утроба, из которой рождаются и в которую возвращаются все существа. Это абсолютное Ничто, и в то же время все, единственная Реальность, при этом отсутствующая. Это Я. Нет больше ничего. Я есть все и никто, и Один.

Глава 3 Открывая Дзэн

*Теперь душа больше не осознает тело и не наде-
лит себя чуждым именем — ни человека, ни жи-
вого существа, ни чего бы то ни было еще.*

Плотин

*После того как тело далеко отброшено, как
трун, Мудрец больше не привязан к нему.*

Шанкара

*Если открыть глаза и поискать тело, его не
найдешь. Об этом говорится: в пустой комнате
оно становится невесомым. Внутри и снаружки
все одинаково невесомое. Это очень благотвори-
тельный знак.*

Секрет Золотого Цветка

*Дайте обет достичь совершенного понимания,
что иллюзорное тело подобно росе и молинии.*

Мастер дзэн Сю Юнь

(на смертном одре, в 1959 году)

В последующие за моим начальным опытом безголовости месяцы и годы я усиленно пытался понять все это и результаты кратко описал выше. Характер самого видения насколько не изменился за этот период, хотя оно возникало с большей легкостью и оставалось дольше, когда я привлекал его. Но его роль, его смысл развивались со временем и, конечно, подвсгалась влиянию чтения. Некоторую помощь и ободрение я, несомненно, получил из книг — научных, философских и духовных. В частности, я обнаружил, что некоторые мистики ви-дели и ценили то, что, как я вижу, я есть здесь и сейчас.

С другой стороны, обсуждения оказывались почти неизменно бесполезными. «Естественно, я не вижу свою голову, — говорили мои друзья. — И что?» Я по глупости начал гово-рить: «И все! Вы и весь мир повернуть вверх ногами и вывернуть наизнанку...» Ни к чему хорошему это не приводило. Я был не в состо-янии описать свой опыт так, чтобы он заинте-ресовал слушателей или передал им какие-то свои качества или значение. Они понятия не

имели, о чем я говорил, — неловкая ситуация для обеих сторон. Вот нечто совершенно очевидное, невероятно важное, открытие чистого и удивительного восторга — для меня и ни для кого другого! Когда кто-то начинает видеть то, что не видят другие, брови недоуменно поднимаются и посылают за доктором. И вот я оказался в почти такой же ситуации с той лишь разницей, что я не видел то, что видели другие. Неизбежно возникло чувство одиночества и разочарования. Наверное, так чувствуют себя настоящие безумцы (думал я) — отверженныеми, неспособными общаться.

Добавок ко всему, самые образованные и умные среди моих знакомых были совершенно неспособны понять меня, как будто безголовость была каким-то младенческим отклонением, которое, подобно сосанию пальца, следовало перерастать и забыть давным-давно. Что касается писателей — некоторые особенно талантливые лезли из кожи вон, чтобы убедить меня, что я псих, — иначе психами могли оказаться они сами. Честертон в своем «Наполеоне из Ноттинг Хилла» заканчивает список чудес научной фантастики потрясающей абсурдностью — людьми без голов! А великий философ Декарт (справедливо названный великим, потому что начинает свое революционное исследование с вопроса о том, что очевидно дано) идет еще дальше. Он фактически начинает свой список достоверностей — вещей, которые «ис-

тинны, потому что ощущаются чувствами», — с потрясающего заявления: «Во-первых, я ощущаю, что у меня есть голова». Даже человек с улипы, которого должно быть не так-то легко привести, говорит как о чем-то совершенно очевидном: «Ну это же очевидно, как нос у тебя на лице!» Из всех очевидных вещей в мире надо же было выбрать именно его!

Я все еще предпочитал доказательство собственных чувств остальным слухам. Если это безумие, по крайней мере это не посредственное безумие. В любом случае я не сомневался, что видел то, что видели мистики. Странно было только, что, по-видимому, мало кто видел это так же, как и я. Оказалось, что большинство мастеров духовной жизни «не теряли голову», или если и теряли, то редко кто считал это достойным упоминания. И никто, насколько мне было известно, не включал практику безголовости в свой курс духовных практик. Почему такой очевидный указатель, такая убедительная и всегда доступная демонстрация этого Ничто, которое духовные учителя никогда не уставляли превозносить, так игнорировалась? В конце концов, она до абсурдности очевидна, от нее просто невозможно скрыться. Если что-то и бросается в глаза, так именно это. Я был озадачен, иногда даже обескуражен. И тогда — лучше поздно, чем никогда — я наткнулся на дзэн.

* * * * *

У дзэн-буддизма репутация трудного учения, которое практически не дается западному человеку. По этой причине ему часто советуют по возможности придерживаться собственной духовной традиции. Мой опыт был прямо противоположным. По крайней мере, в словах дзэнских мастеров я нашел много отголосков центрального переживания своей жизни: они говорили на моем языке, отражали мое состояние. Я узнал, что многие из этих мастеров не только потеряли голову (как и все мы), но и живо осознавали свое состояние и его огромную значимость и использовали любые способы, чтобы привести своих учеников к тому же осознанию. Позволь указать тебе несколько примеров.

Знаменитая «Сутра сердца», обобщающая суть буддизма махаяны и ежедневно повторяемая дзэнскими монахами, начинается с того, что тело — это пустота, и затем утверждает, что нет ни глаз, ни ушей, ни носа. Понятное дело, это смелое утверждение поставило в тупик молдого Душшана (807—869), а его учитель, который не был дзэншиком, тоже не смог оценить его. Ученик внимательно посмотрел на учителя, затем исследовал свое лицо пальцами. «У вас есть два глаза, — возразил он, — и два уха, и все остальное, и у меня тоже. Почему Будда говорит, что их нет?» Учитель ответил: «Я не могу помочь тебе. Тебе следует учиться у

мастера дзэн». Он следовал совету учителя. Однако его вопрос так и оставался без ответа, пока, спустя годы, он случайно не взглянул во время прогулки в лужицу неподвижной воды. В ней он увидел те человеческие черты, о которых говорил Будда, — выстоянные там, где им самое место, где он всегда их держал — там, на расстоянии. Они оставляли это пространство вечно прозрачным, навсегда очищенным от них, как и от всего остального. Эти простые открытия, это откровение совершенно очевидного оказалось тем важнейшим осознанием, которого Душшань так долго искал, и привело к тому, что он стал не только мастером дзэн, но и основателем Сото, крупнейшей ветви дзэн в наше время.

Примерно за столетие до этого события Хуйнэн (637—712), шестой патриарх дзэн, дал свой знаменитый совет на эту же тему. Он посоветовал своему брату-монаху Мину прервать все молитвы и медитации и увидеть: «Увидеть то, как в этот момент выглядит твое лицо — Лицо, которое было у тебя до твоего рождения (и даже до рождения твоих родителей)». История гласит, что Мин вслед за этим раскрыл в себе тот фундаментальный источник всех вещей, который он до тех пор искал снаружи. В тот миг он все понял, его пробил пот и он зализал слезами. Выразив свое почтение патриарху, он спросил, остались ли еще какие-то нераскрытые тайны. «В том, что я показал тебе, —

ответил Хуйнэн, — нет ничего скрытого. Если ты заглянешь внутрь и узнаешь свое собственное "Изначальное Лицо", все тайны будут внутри тебя».

Изначальное Лицо Хуйнэна (не-лицо, вообще не что-то) — наиболее известный и для многих самый действенный коан дзэн. Говорят, в Китае он не одно столетие оставался чрезвычайно эффективным указателем на просветление. В шушности, по словам Дайто Кокуси (1281—1337), все тысяча семьсот коанов дзэн — это просто указатели на наше Изначальное и лишнее черт Лицо. Мумон (XIII в.) говорит об этом:

Невозможно описать или нарисовать* его,
Невозможно оценить или ошутить его.
Нет такого места, куда можно было бы
поместить Изначальное Лицо,
Оно не исчезнет, даже если стинет вся
вселенная.

Один из последователей Хуйнэна, дзэнский мастер Шитоу (700—790), выразил это слегка по-другому. «Я хочу услышать, что ты сможешь сказать без горла и губ», — потребовал он. Монах ответил: «У меня их нет!» — «Тогда ты можешь войти в ворота», — последовал ободряющий ответ. Есть еще одна похожая история о современнике Шитоу, мастере

* Но можно наметить его в рисунке (см. стр. 16) или, скорее, вне рисунка, через то, что отсутствует в нем.

Байчжане (720—814), который спросил одного из монахов, как ему удается говорить без горла, губ и языка. Конечно, такой голос исходит из безмолвной Пустоты — из Пустоты, о которой пишет Хуанбо (ум. 850): «Это всепроникающая безупречная красота, это существующий в самом себе несоотворимый Абсолют. Как вообще можно обсуждать тот факт, что у Будды нет рта и что он не проповедует дхарму или что слушание не требует наличия ушей, поскольку кто может слышать ее? Это бесценная драгоценность».

Как будто в помощь такому осознанию Бодхидахрма, первый патриарх дзэн (VI в.), предписывал хороший удар молотком по затылку. Дайхуй (1089—1163) был также бескомпромиссен: «Дзэн подобен большому костру: если ты подходишь близко, твое лицо несомненно обгорит. Еще он похож на меч, который вот-вот покинет ножны — если меч занесен, кто-то обязательно лишится жизни... Драгоценный меч выдгры находится прямо здесь, его цель — отсечь голову». Обезглавливание было обычной темой разговоров дзэнских мастеров с учениками. Например, вот диалог из IX в.:

Дунья: Если бы я прозился отсечь вам голову самым острым мечом в мире, что бы вы сделали?
Мастер: втянул голову.

Дунья: Голова упала!
Мастер: улыбнулся.

Очевидно, мастер и ученик, оба безголовые, хорошо понимали друг друга. Они бы хорошо поняли и совет мусульманина Джалагаладдина Руми, знаменитого мистического поэта Персии (1207–1273): «Обезглавь себя! Раствори свое тело целиком в Видении, стань видением, видением, видением!»

«Я научился у Него, — сказал другой великий поэт-мистик Индии Кабир (р. 1440), — видеть без глаз, слышать без ушей, пить без рта».

Как Кабир мог видеть, если у него не было глаз? Как мы уже заметили, современная наука согласна, что мы на самом деле видим не глазами. Это просто связи в длинной цепи, протянувшейся от солнца, через солнечный луч, атмосферу и освещенные предметы, через глазные хрусталики, сетчатку и оптические нервы прямо к наводненному частицами и волнами месту в одной из областей мозга, где, наконец (как говорят), и происходит видение. В действительности, чем глубже физик рассматривает объект, тем ближе он подходит к Пустоте, которая есть прямое переживание Субъектом самого себя, — Пустоте, которая является единственным Видящим и Слушающим, единственным Переживающим. (Но какими бы развитыми ни были его инструменты и техники, он, конечно, не сможет найти Субъект через исследование объекта. Чтобы добиться этого, ему просто надо повернуть свое внимание на 180 градусов.) И это отлично согла-

совывается с тем, что говорят дзенские мастера древности. «Тело, — говорит Риндзай (ум. 867), — не знает, как обсуждать или слушать обсуждение... То, что может быть безошибочно воспринято прямо здесь, абсолютно узнаваемо, но лишено формы — вот что слушает обсуждение». Здесь китайский мастер, как Кабир и остальные, вторит Сурангама Сутре (до-дзэнскому индийскому писанию), которая учит, что абсурдно предполагать, будто мы видим глазами или слышим ушами, потому что они сливаются воедино и исчезают в абсолютной Пустоте нашего «яркого и чарующего изначального Лица», абсурдно считать, что вообще возможно какое-то переживание.

Еще ранее даосский мудрец Чжуан-цзы (III в. н. э.) рисует прекрасную картину такого лишнего черт Лица, или моей пустой головы. Он называет ее «Хаос, Властелин Центра» и противопоставляет ее полную чистоту здесь знакомым семидырчатым головам там: «Света, владычица Южного океана, и Волнение, бог Северного океана, однажды встретились в парстве Хаоса, бога Центра. Хаос принял их очень хорошо, и они задумались, как отплатить ему за его доброту. Они заметили, что если у всех было по семь отверстий — чтобы видеть, слышать, есть и дышать, у Хаоса не было ни одного. И они решили просверлить в нем дыры. Каждый день они сверлили по дыре, и на седьмой день Хаос умер».

Не важно, сколько я сучусь и волнуюсь и возобновляю попытки убить Правителя Центрычатые черты, — я никогда не добьюсь успеха. Маска в зеркале никогда не коснется моего Изначального Лица, и уж тем более не сказит Его. Никакая тень не может упасть на Хаос — бестелесного и вечного Владыку.

* * * * *

Но зачем так подчеркивать исчезновение лица и головы, а не всего тела целиком? Для людей ответ прост (крокодилы и крабы могли бы рассказать совсем другую историю!). Для меня здесь лицо с его органами чувств отличается тем, что оно *everyday* отсутствует, всегда поглощено этой необъятной Пустотой, которая есть я, а мое тело, руки и ноги иногда также отсутствуют, а иногда присутствуют. Сколько в данный момент находится внутри Пустоты, а сколько снаружи — совершенно не важно, поскольку я вижу, что она остается бесконечно пустой и бесконечно огромной, независимо от количества или важности конечных объектов, поглощенных ею. Нет никакой разницы, растворяется ли в ней моя голова (как когда я смотрю вниз), или мое человеческое тело (как когда я смотрю в сторону), или мое тело Земли (как когда я на улице смотрю вверх), или моя Вселенная (как когда я закрываю глаза). Все там, каким бы оно ни было крошечным или от-

ромным, одинаково растворяется здесь, одинаково может прийти и показать мне, что здесь я ничто.

В литературе есть множество выразительных описаний растворения всего тела. Вот несколько примеров.

Янбу (1566—1642) пишет о дзэн: «Он пре-подносится прямо к твоему лицу, и в этот миг все это передается тебе... Взгляни внутрь своего бытия... Пусть твое тело и ум обратятся в неподвижный объект природы, подобный камню или куску дерева. Когда достигнуто состояние совершенной неподвижности и неосознанности, все признаки жизни уходят и исчезают все следы ограничений. Ни одна мысль не потревожит твое сознание, и, подумав только, ты вдруг обретаешь легкое наполнение высшей радостью. Ты будто накнулся на свет в непроглядной тьме, обрел богатство в нищете. Четверо элемента и пять атрегатов (*скандх*), из которых состоит все твое тело, больше не ощущаются как бремя. Ты так прост, так свободен. Само твое существование избавлено от всех ограничений. Ты стал открытым, легким и прозрачным. Ты обрел всеосвещающее прозрение в самую суть вещей, которые стали для тебя подобными волшебным цветам, лишненным плотной реальности. Проявилось безыскусное "Я", Изначальное Лицо твоего бытия, обнажился прекрасный пейзаж места твоего рождения. Остался открытым и свободным

лишь один проход — насквозь. Здесь ты остав-
ляешь все — свое тело, свою жизнь и все, что
принадлежит твоему сокровенному "Я". Здесь
ты обретаешь покой, легкость, недвоякие и не-
выразимую радость».

Эту характерную легкость, о которой гово-
рит Яньу, даос Ле-цзы (IV в. н. э.) пережил в
такой степени, что, казалось, он летит верхом
на ветре. Вот как он описывал это чувство:
«Внутреннее и внешнее смешались воедино.
После этого невозможно было отличить глаз от
уха, ухо от носа, нос от рта — все было одним.
Ум замер, тело растворилось, плоть и кости
растаяли. Я совершенно не осознавал, на чем
покойся мое тело или что у меня под ногами.
Меня несло ветром, подобно сухой траве или
листьям, упавшим с дерева. Я даже не знал, еду
ли я на ветре — или ветер на мне».

Дзэнский мастер XVI в. Ханшань говорит о
просветленном, что его тело и сердце совер-
шенно не существуют: они неотличимы от аб-
солютной Пустоты. О своем собственном
опыте он пишет: «Я проуливался, и вдруг нео-
жиданно остановился, переполненный осозна-
нием, что у меня нет ни тела, ни ума. Все, что я
мог видеть, было одним великим сияющим Це-
лым — вездесущим, совершенным, ясным и
безмятежным. Оно было подобно всеотража-
ющему зеркалу, из которого проецировались
горы и реки земли... Я чувствовал себя чистым
и прозрачным». «Ум и тело пропали! — воскли-

цает Дотэн (1200–1253) в экстазе освобожде-
ния. — Пропали! Пропали! Это состояние
должны испытать все вы. Оно подобно собиран-
ию фруктов в корзине без дна, наливанию во-
ды в дырявую чашу». «Вдруг ты обнаружива-
ешь, что твой ум и тело стерты из существова-
ния, — говорит Хакуин (1685–1768). — Это то,
что известно как отпускание. Когдадыхание
возвращается, оно как поток прохладной во-
ды. Это невыразимая радость».

В наше время Д. Т. Судзуки подводит итог:
«В дзэн поглощение есть развопложение,
плоть — не плоть, здесь-сейчас равно пустоте
(*шуньята*) и бесконечности». Вне дзэн не так
легко найти утверждения, такие же ясные и
лишенные религиозности, как эти. Однако
можно найти много параллелей в других тра-
дициях, если знать, что искать. И ничего уди-
вительного, истинное видение не зависит от
случайностей истории и географии.

Конечно же, ближайшую параллель можно
найти в Индии — месте рождения буддизма.
Шанкара (предположительно 820 г.), великий
мудрец и интерпретатор алвайты (абсолютной
недвойственности), учил, что у человека нет
надежды на освобождение, пока не исчезнет
его отождествление с телом — не более чем иллюзия,
порожденной неведением. Его истин-
ное Я как пространство — свободно, чисто,
бесконечно. Путать иллюзорное тело с истин-
ным Я — значит обрекать себя на связанность

и несчастье. Это учение существует в Индии и по сей день. Один из его самых ярких представителей нашего времени, Рамана Махарши (1879—1950), говорил ипшущим: «Вы серьезно полагаете, что вы тело, что у вас есть форма. Это основное заблуждение, из которого возникает все страдание».

Христианству также известен тот факт, что подлинное озарение должно рассеивать темную смутность тела, так же как и души (хотя, как заметил архиепископ Темпл, это самая материальная из всех великих религий). «Когда твоё око едино, — говорил Иисус загадочно, — все твоё тело наполнено светом». Это единое око несомненно тождественно совершенному Третьему Глазу индуистского мистицизма, который позволяет видящему смотреть одновременно внутрь на Пустоту и вовне на то, что ее наполняет. И также подобно бесценной жемчужине, которую (согласно западной традиции) мы ищем где угодно, а она здесь, у нас на лбу.

Августин Бейкер (1575—1641) пишет о христианской медитации: «В конце концов он приходит к чистому и полному погружению и тогда начинает казаться себе духом, будто лишённым тела... Чем чище и полнее это погружение, тем выше человек поднимается к совершенству». Это комментарий на хорошо известный отрывок из «Облака Неведения», мистического труда XIV в., который учит, что живое осознание нашего несуществования — это необходимая

предпосылка истинной радости: «У всех людей есть повод для печали, но большую печаль чувствует тот, кто знает и ощущает, что он *есть*». Конечно, это обязательное самоотрицание — любимая тема всего христианского мистицизма. Никто не описывал две его стороны смелее, чем Св. Бернар (1091—1153): «Это не только чело­веческая радость — потерять себя таким образом, освободиться от себя так, будто вообще перестал существовать, — это еще и блаженство небес... Как, в противном случае, Бог может быть "вездесущим", если в человеке остается хоть что-то от человека?»

Иногда на Западе даже язык мистиков так же подобен дзен, как и то, что он описывает. Герлак Питерсон (1378—1411) говорит о «показывании», которое «так неистово и так сильно, что все нутро человека, не только его сердце, но и тело чудесным образом затронуто и потрясено... Его внутренний аспект проясняется и не остается ни облачка». Его духовное око широко открыто. Вместо того чтобы оставаться, как говорит Шекспир,

В неведении о том, что несомненно, —
Его прозрачной сути,

и вести себя как бешеная обезьяна, он вглядывается в самые ее глубины, в прозрачное сердце Реальности.

Когда наше внимание приковано к физическому миру, мы не можем видеть сквозь него.

Не замечая внутренней информации, мы смотрим на свои маленькие человеческие тела и видим их непрозрачными и отделенными от Тела Тотальности, от Вселенной, которая в результате тоже кажется нам непрозрачной и разделенной. Некоторых поэтов, однако, не так легко провести и запутать так называемым здравым смыслом — они проникают в суть вещей и упиваются их прозрачностью. Райнер Мария Рильке писал о своем мертвом друге:

Тенистые долины эти, колышущиеся
травы

И ручейки воды бегущей — его лицо,
но не остановился на растворении человеческого лица и человеческого тела. Он призывал пойти дальше и «сделать землю, на которой живем, и далее вселенную невидимой, и так превратить ее в высший план реальности». Для Рильке эта вездесущая Пустота, наше бессмертное Лицо не имеет границ. Как Трэгер* говорит о себе:

Я был самым восприимчивым.
Я не чувствовал ни бренности,
ни материи в своей душе,
Ни края, ни границ, какие в чаше
Видим мы. Моя сущность была
вместимостью.

* Томас Трэгер (Taherpe) (1627–1674) — английский поэт, священник. (Прим. пер.)

Вот более известный отрывок: «Ты не сможешь наслаждаться миром, пока море не потеет в твоих венах, пока ты не обличишься в небеса и звезды не увенчают твою голову».

Это не что иное, как дзенское переживание сатори — только язык слегка отличается. В момент сатори возникает взрыв, и тело человека замещается вселенной. «Он чувствует, как его тело и ум, земля и небо сплавляются в одно прозрачное целое — чистое, осознанное и полностью пробужденное», — говорит мастер Бошань:

Вся земля — лишь одно мое око,
Лишь искра моего сияющего пламени.

Во множестве текстов говорится, как про- светленный, будто магическим образом, поглощает в себя реки, горы, моря и весь мир, уменьшая все до этой Пустоты, до ничто, и затем из этой Пустоты создаются реки, горы, моря и весь мир. Без малейшего неудобства он выпивает все воды Западной Реки и вновь извергает их. Он вбирает и уничтожает все вещи и создает их. Он видит вселенную как поток, истекающий из его глубинной Природы, при этом сама она остается чистой, абсолютно прозрачной. Он вернулся к себе настоящему, самому сердцу существования, из которого проливается все бытие. Короче говоря, он становится божественным. Оказавшись в единственном Источнике, он восклицает: «Я Центр, я Все-

ленная, я Создатель!» (Д. Т. Сүлдүки). Или: «Я причина своего собственного я и всех вещей!» (Экхарт). В живом языке дзэн вшивая дворянства превратилась в элатогривого льва, ревущего в пустыне, спонтанного, свободного, энергичного, великолепно самодостаточного и одинокого. Прибыв наконец Домой, он обнаруживает, что там нет места для двоих. Наш Трэгерн снова вторит восточным мастерам, восклицая: «Улицы были моими, храм был моим, люди были моими, их одежда, золото и серебро были моими, а еще их сверкающие глаза, белая кожа и румяные лица. Небеса были моими, а также солнце, луна и звезды. Весь Мир был моим, а я — его единственным зрителем и пестелем».

Совершенством видения я называю видение не других, а себя.

ЧЖУАН-ПЭЫ (III в. н. э.)

Видеть Ничто — вот истинное видение, вечное видение.

ШЭНЬХҮЙ (VIII в.)

Тот, кто знает, что он Дух, становится Духом, становится всем.

Ни боги, ни люди не могут помешать ему...

Боги не любят тех, кто достигает

этого знания...

Боги любят сокрытое и ненавидят очевидное.

БРИХАДАРАНЬЯКА УПАНИШАДА (VI в. н. э.)

Глушцы отрицают то, что видят, а не то, что думают.

Мудрые отрицают то, что думают, а не то, что видят...

Наблюдай вещи, как они есть, и не обращай

внимание на других людей.

ХУАНБО (IX в.)

Тому, кто не знает ничего, Это становится явным.

Мейстер Экхарт (1260–1327)

И какому правилу, вы думаете, я следовал? Воспитанну странному, но лучшему в мире. Меня вера полная вера в божественную доброту, благодаря которой я пришел к изучению самых очевидных и простых вещей.

Томас Трагерн (1627—1674)

Кто сомневается в том, что видит, никогда не поверит. Так что делай, что хочешь. Уильям Блейк (1757—1827)

Самые важные для нас аспекты вещей трудно заметить из-за их простоты и обыденности.

Людвиг Витгенштейн (1889—1951)

Это оно. Никакого скрытого смысла. Вся эта таинственность — просто о том, что есть. Вернер Эрхард (р. 1935)

Похищенное письмо в рассказе Эдгара Аллана По (1845) «осталось незамеченным из-за своей чрезвычайной очевидности». Знойей «оставил письмо прямо под носом у всего мира, таким образом сделав его совершенно невидимым для кого бы то ни было».

Глава 4

Как закончилась эта история Восемь этапов Пути без головы

Прошло уже более сорока лет с тех пор, как на меня свалился тот первый «гималайский» опыт, и более двадцати со времени публикации его вышеупомянутого описания. Это были насыщенные годы — время множества сюрпризов и нескольких потрясений — в течение которых этот опыт преобразился в Путь (Путь без головы — вполне достойное название), который стал хорошо изучен — его изгибы, повороты, течение и заторы, его общая практичность. Давно уже следовало бы составить карту всего этого, идущую от самого начала (то есть задолго до «гималайского» видения).

Заключительная глава — как раз такая попытка нарисовать эту карту. Конечно же, она представляет лишь один из бесчисленных вариантов того первоначального Пути, который ведет, по словам Брихадараньяки упанишад, «от нереального к Реальному, от тьмы к Свету, от смерти к Бессмертию». Здесь и там он обединяется и сливается с Путем Дзэн, в других местах остается независимым. Если он кажется более прямым и легким, чем древний Дальне-

восточный Путь, то только потому, что проходит через знакомый ландшафт современной западной культуры, а не потому, что он короче или ровнее. И конечно же, он подойдет не всем западным путешественникам. Кроме трех первых этапов (через которые проходим мы все), наша карта, как и должно быть, создана на основе личного маршрута автора. А насколько она совпадает с маршрутом читателя — решать ему самому. Расхождения неизбежны, в том числе серьезные. Но по крайней мере начальные этапы нашей черновой карты покажут, как далеко он уже зашел, и это позволит ему понять, чего ожидать — ориентиры и этапы пути, тушки и ловушки, с которыми ему предстоит столкнуться, если он следует Путем без головы.

Все Пути делятся на более или менее произвольные и нередко частично совпадающие этапы. Здесь мы выделяем восемь этапов: 1. безголовый младенец, 2. ребенок, 3. взрослый с головой, 4. безголовый вилящий, 5. практика безголовости, 6. отработка, 7. прерада, 8. прорыв.

1. Безголовый младенец

В младенчестве ты был подобен животному, то есть *для себя* ты был безголовым, безликим, безглазым, беспредельным, целостным, неотделимым от своего мира и не осознавал это блаженное состояние. Бессознательно, ты жил без всяких препятствий, из того, **Что ты есть, где ты есть**, из своего Источника, и опирался

лишь на Данность. Тебе было явлено *явно* — луна была не больше и не дальше руки, хватавшей ее. Твой мир был истинно твоим миром — расстояние, этот самый ловкий и ненавязчивый вор, еще не начал красть его у тебя. Очевидная реальность была *очевидной* — погремушка, потерянная из виду, больше не существовала — исчезновение означало уничтожение. Ты не претендовал на лицо в зеркале. Оно оставалось там — лицо того ребенка, не твое.

2. Ребенок

Постепенно ты научился судьбоносному и важному искусству выходить наружу и смотреть на себя со стороны, будто с расстояния нескольких шагов и глазами других, и «видеть» себя с их точки зрения как подобное им человеческое существо с нормальной головой на плечах. Нормальной, но единственной в своем роде. Ты начал отождествляться с лицом в зеркале и отъезжаться на свое имя. Однако *для себя* ты оставался целостным, безголовым, бескрайним Пространством, в котором случался твой мир. Не исключено, что временами ты хорошо осознавал это Пространство. (Ребенок склонен спрашивать, почему у других есть головы, а у него нет, или утверждать, что он ничто, не присутствующий, невидимый. Когда на третьем дне рождения Карлоса попросили показать разных тетей и дядей, он всех указал без ошибок. А потом кто-то спросил его, где Кар-

дос. Он неопределенно замахал руками: Карлос не мог указать Карлоса. Позднее, когда его укорили в том, что он плохой мальчик, он не возражал против слова «плохой», но настаивал, что он не *мальчик*. Вскоре после этого он пришел к своей бабушке и заявил, что он все-таки мальчик¹)

На этом этапе ты подождишь к тому, чтобы примирить оба мира — безразличный нечеловеческий мир, из которого ты вышел, и ограниченный человеческий мир, в который ты вступаешь. Слишком недолго у тебя существует *две* индивидуальности, две версии себя. Для личных целей ты все еще не-вещь, растянутая, обширная, протянутая до самых звезд (хотя сейчас они уже далеко, ты все еще можешь включить их в себя, это по-прежнему *твои* звезды). А для социальных целей ты становишься все большей противоположностью этого. Если мы, взрослые, должны стать как маленькие, чтобы войти в Царствие Небесное, то мы должны стать как маленькие именно этого частного возраста (скажем, до пяти лет) — маленькие, которые для самих себя большие, по-прежнему необъятные, более «взрослые», чем сами так называемые взрослые.

3. Взрослый с головой

Люди, однако, развиваются удивительно разными темпами. Пэнпи всего в два года уже обожала разглядывать себя в зеркало, а в два года и три месяца, когда ее мать (и по-моему, мудро) предположила, что, может, там и нет никакого лица или что с этой стороны зеркала — ровно там, где она находилась — просто пустота, она ответила: «Не говори об этом. Мне страшно!» По-видимому, с очень раннего возраста наш приобретенный взгляд на себя со стороны начинает затенять, накладываться и со временем вытеснять наше изначальное видение себя изнутри. Мы растем вниз, а не вверх. Вместо того чтобы присутствовать и касаться звезд, пребывая в единстве со всем, что под ними, мы сжались и отодвинулись от них. И теперь не мы обьемлем мир, а он нас — то, что осталось от нас. И вот, уменьшенные от целой картины до этой крошечной части, разве удивительно, что мы постоянно попадаем в неприятности — ведь мы стали жадными, обидчивыми, отчужденными, испуганными, поверженными, усталыми, напряженными, повторяющимися, нетворческими, недобрыми и абсолютно сумасшедшими? Или, более детально:

Жадные — когда мы пытаемся любой ценой вернуть и собрать сколько возможно от нашей потерянной империи.

Обидчивые или агрессивные — когда мы мечтаем отомстить социальному порядку, так жестоко урезавшему нас.

Отчужденные, одинокие, подозрительные — потому что мы болезненно воображаем, что люди, животные и даже неживые объекты отдалены от нас, что они холодные и высокомерные. И мы отказываемся видеть, как эта дистанция схлопывается, что в действительности они прямо здесь, с нами, наши близкие друзья, ближе ближнего.

Испуганные — когда мы считаем себя вещами, оглавленными на милость других вещей и оказываемыми им сопротивление.

Поверженные — потому что трудиться ради этого индивидуального нечего — значит непременно обречь себя на поражение. Вероятный исход наших даже самых «успешных» начинаний — это утрата иллюзий, неизбежный конец, смерть.

Уставшие — потому что на строителство, поддержание и постоянную корректировку этого воображаемого ящика для жизни, прямо здесь, тратится слишком много энергии.

Напряженные, церемонные, неестественные, притворные — потому что мы живем во лжи, в глупой, негибкой, предсказуемой, жалкой, сковывающей лжи.

Нетворческие — потому что мы отрезали себя от Источника и Центра и видим себя как побочный эффект.

Нелюбящие — потому что мы не допускаем других в то пространство, которое, по нашим представлениям, занимаем, притворяясь, что не созданы открытыми, не созданы для любви.

Сумасшедшие — потому что мы «видим» вещи, которых нет, и даже верим (несяморя на всю очевидность обратного), что с расстояния в ноль метров мы выглядим так же, как с двух метров — как плотные, непрозрачные, цветные, очерченные куски вещества. Как наша жизнь и наш мир могут сохранить расщедок, если их Центр сошел с ума?

Пока мы не страдаем от этих многочисленных помех, мы остаемся «маленькими детьми в сердце» на втором этапе — безголовными, прозрачными, светоподобными и более или менее бессознательно в контакте с истинной того, что мы есть. Или мы уже продвинулись на гораздо более поздний этап. В любом случае основная причина, по которой большинство из нас благополучно обходит их, не становясь хронически большими или буйно помешанными, проста и утешительна. Если в нашей повседневной жизни мы довольно часто бываем чувствительными, любящими, щедрыми, полными смеха и даже счастливыми — это потому что все мы, на каком бы этапе ни находились, укоренены в нашем общем Источнике и центральном Совершенстве, в одной и той же Безголовости, или Начальном Лице, или Прозрачности, или Осознанном Ничто, и наши жизни исходят

из него же. Мы всегда полностью освещены одним и тем же Светом, позволяем мы светить ему сквозь нас или нет. Наше счастье глубоко укоренено и реально, а несчастье поверхностно и нереально, рождено иллюзией, невежеством. Мы страдаем, потому что не замечаем, что в глубине сердца с нами все в порядке.

Что приводит к следующему вопросу: третий этап, этот отрезок дороги, вымышленный иллюзорным страданием, — это просто ошибка, кружной путь, который можно и нужно срезать? Возможно ли перепрыгнуть при помощи просветленных родителей и учителей из детства второго этапа в истинную зрелость, в мир выходящих дальнейших этапов, таким образом избегая наихудшие из вышеперечисленных бед? Другими словами, можно ли стать полноправным членом клуба под названием Человеческое Общество и наслаждаться его неопенимыми преимуществами и удобствами, никогда не подписываясь под ложью, на которой он основан, не вступая в непрерывную Игру в Липо*, не становясь как они? Рильке, опи-

* Игра в Липо (Д. Е. Хардинг «Tanxactional Analysis Vellein», апрель 1967 г.) расматривает бесцисленные и зачастую отчаянные «игры, в которые играют люди» как ветви, расходящиеся из этой Игры игр. Если срезать их по одной, они будут только расти еще сильнее. Чтобы избавиться от них всех и выйти из игры, срубь сам ствол, т. е. иллюзию того, что есть кто-то, играющий в игры, — человек (личность, маска), липо здесь, где есть я, напротив твоего лица там — липом к липу, партнер к партнеру — в симметричных (и, следовательно, игровых) отношениях.

сывая один показательный случай из детства, не был настроен оптимистически: «Но затем случается самое худшее. Они берут его за руку и тащат к столу, и все они, сколько их ни присутствует, с любопытством собираются у лампы. Они победили. Они тянутся в тени, а на него вместе со светом падает *весь позор обладания лицом*. Должен ли он остаться и притворяться, что живет той жизнью, которую они приписывают ему, и вырасти похожим на них?..»*

Наш вопрос в следующем: можем ли мы отказать от этих воображаемых набабдашинок (*not juste***), этих позорных и сводящих в могилу злокачественных наростов, которые общество намерено посадить и выращивать прямо здесь, у нас на плечах, и всего, что влекут эти наросты?

Ответ такой: на практике — нет. Нельзя выйти из игры, срезать путь. Мы должны принять это бремя, пройти долгим кружным путем. Верно, что некоторые действительно отказываются делать это и никогда не смотрят на себя с позиции второго или третьего лица. Как старший брат в истории о блудном сыне, они остаются Дома в первом лице единственного числа настоящего времени, во всей невинности. Этому состоянию не следует завидовать. Неспособные осознать и приспособиться к то-

* The Notebooks of Malte Laurids Vigge, пер. на англ. Джона Линтона, Хогарт, Лондон, 1959 г.

** Меткое слово (*pp.*). (Прим. пер.)

му, как их видят другие, они наделяются ярлыком «отсталые» или еще похуже и вынуждены вести себя соответственно и нуждаться в лечебном уходе. В действительности, нет такого пути из Рая детства в благословенные Небеса, который отибал бы Далекую Страну, некое подобие Ада или, по крайней мере, Чистилища. Чтобы по-настоящему отойти от нашего упрямства, отбросить личное и разделяющее это (и таким образом дойти до более поздних этапов нашего путешествия), мы должны на этом этапе быть оплачиваемыми членами общества, преданного взращиванию это: как у маленьких детей, наша эгоцентричность пока слишком неглубока, слишком бесплодна, неустойчива и откровенна, слишком мало принадлежит нам, чтобы мы ее отбрасывали. Чтобы по-настоящему потерять голову, мы должны сперва обрести ее. Чтобы по-настоящему оценить что мы есть, ясно и четко, мы должны вначале ожестчиться с тем, чем не являемся. Чтобы по-настоящему ценить абсолютно очевидное, мы должны вначале приобрести привычку не замечать и отрицать это. Вселенная такова, что истинное освобождение не случается в пучине — это освобождение от ложного, иначе это вообще не освобождение. И выходит, что наш список бед — эта, к сожалению, далеко не полная скорбная повесть — совсем не скорбная. Это предпосылка свободы, которую невозможно обрести никак иначе. Она весьма су-

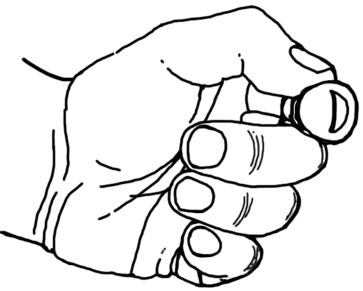
щественно содействует реализации — этому переоткрытию очевидного — которое постепенно преодолевает его, становится его лекарством, в общем и в частности. Оно лежит в основе того абсолютного блаженства, которое, как мы увидим, может обнаружиться к концу нашего путешествия. А пока наши беды несомненно обеспечивают сильнейшую мотивацию упорства. Кто захочет, чтобы его держали дольше, чем нужно, в этом болезненном месте? И кто, зайдя уже так далеко на Пути, не захочет идти дальше — особенно учитывая, что наш следующий этап гораздо более легкий и прямой, чем все остальные?

4. Безголовый видящий

Все, что нужно сделать, чтобы вступить на четвертый этап Пути, — это хотя бы ненадолго повернуть стрелу внимания в обратную сторону. Катха упаниада говорит об этом так: «Бог создал чувства направленными вовне, поэтому человек смотрит наружу, а не в себя. Но иногда отважная душа, стремящаяся к бессмертию, оборачивается и находит себя». По сути эта «отважная душа» не лишена поддержки. Такой человек окружен бесчисленными напоминаниями и возможностями, несметными средствами оборачивания стрелы внимания, если только он достаточно пытли в отношении своего истинного Я и готов на мгновенное оставить мнение о себе, основанное на слухах, па-

мати и воображении, и опереться на **ЯВНЮЮ**
ОЧЕВИДНОСТЬ.

Вот три из множества способов совершить такой разворот, которые внимательный и честный читатель может немедленно опробовать:

1. То, *на что* ты сейчас смотришь, — печатные буквы. То, *из чего* ты смотришь, — пустое Пространство для этих букв. Меняя свою голову на него, ты ничего не приобретаешь взамен: ты исчезаешь в его полъзу.

2. То, из чего ты сейчас смотришь, — не два маленьких плотно запертых «окна», называемых глазами, а одно безразмерное широко открытое «Окно» без рамы. На самом деле ты и есть это «Окно» без рамы и стекла.

3. Чтобы убедиться в этом, тебе надо только указать на это «Окно» и заметить, на что указывает палец. Пожалуйста, сделай это прямо сейчас...

Несомненно, в противоположность первому впечатлению, созвучная безголовость, или прозрачность, это видение Ничто прямо здесь, где ты есть, как оказалось, обладает несколькими уникальными достоинствами. *Не существует ольма, подобно этому.* Вот лишь пять из его особенностей — не для того чтобы читатель принял их на веру, а чтобы проверил.

Первая: хотя в течение столетий это внутреннее видение считалось самой трудной вещью на свете, штука в том, что на самом деле оно проще простого. На это лицемерное надувательство полагось множество искренних ищущих. Самое драгоценное сокровище, в поисках которого они изматывали себя, оказалось самым доступным, самым открытым и вопиюще очевидным, неизменно ярко освещенным и выставленным напоказ. Буддийское описание нирваны в палийском каноне как «видимой в этой жизни, манящей, привлекающей, доступной» полностью соответствует истине и бесспорно имеет смысл. Как и замечание Мастера Уммона о том, что *первый шаг на Пути дзэн* — видение нашей Пустой Природы. Избавление от плохой кармы приходит после, а не до этого видения. И как настойчивые утверждения Раманы Махарши о том, что *проще увидеть, Что и Кто мы есть на самом деле, чем увидеть «ягоду крыжовника на ладони»*, — так этот индийский мудрец часто подтверждал учение дзэн. Все это означает, что нет ника-

ких предварительных условий для существенно внутреннего видения. Для каждого его Природа всегда ясно проявлена, и странно, как можно притворяться, что это не так. Она доступна прямо сейчас, для нас таких, какие мы есть, и не требует от видящего святости, знаний, интеллекта или каких-то особых навыков. Скорее наоборот! Какое это великое преимущество, какая возможность!

Вторая: только это — истинное видение. Его невозможно совершить неправильно, и оно совершенно надежно. Попробайся увидеть прямо сейчас, можно ли быть *более* или *менее* безголовым, чтобы увидеть частично или смутно. Пустоту вместо себя. Это видение Субъекта — совершенный и бескомпромиссный опыт, в сравнении с которым видение объектов (таких, как эта страница, покрытая черными значками, и руки, держащие ее, и то, что вокруг) — это всего лишь беглый взгляд: огромная часть картины не видна, просто не замечается. Вид снаружи всегда замугнен, вид внутри всегда ясен, как намекают Чжуан-цзы и Шэнхуэй в цитатах перед началом этой главы.

Третья: это видение глубоко. Самый ясный и далекий из наружных видов — поверхность, это вид тупика по сравнению с внутренним видом, с безголовостью, которая продолжается и продолжается. Ее можно описать как проникающую в самые глубины нашей сознательной Природы, и за ними — в Бездну за пределом

самого сознания, за пределом самого существования, но это слишком сложное и многословное описание. Какая картина прозрачности открывается нам, или скорее *внутри* нас, когда мы осмеливаемся указать со всей простотой на то Место, которое мы якобы занимаем! Неоспоримое и самодостаточное, не поддающееся определению, поскольку описывать Нечего, Видимое и есть Видящий и его видение, и оно не оставляет ему сомнений в том, откуда он берется. Это опыт необыкновенно прямой, близкий и бесспорный. Он убеждает как ничто другое. «Больше нет нужды верить, — говорит суфий Аль-Алави, — когда *видишь* Истину».

Четвертая: это удивительно легко передаваемый опыт, потому что он одинаков для всех — и для Будды, и для Иисуса, и для Шэнхуэй, и для Аль-Алави, и для тебя и меня. Поэтому естественно, поскольку в нем нечему различаться, ничто не может пойти не так, в нем нет ничего уникального или просто личного и частного. В безголовости мы наконец обнаруживаем общую Основу. Как он непохож на другие переживания, которыми так трудно поделиться! Как бы живо ты ни описывал, ни пытался различить собеседнику свои переживания, мысли и чувства, никогда нельзя быть уверенным, что он ощущает то же самое. (Вы с ним договорились обозначить этот цветок как красный, красивый, интересный и так далее. Но внутреннее переживание, к которому привязано это опи-

сание, в сущности очень личное, его невозможно передать другому. Твое личное восприятие красного, например, может быть его восприятием розового, или даже голубого.) Но поверни вспять стрелу внимания, и ты сразу войдешь в царство Несомненности. Здесь и только здесь, на уровне того, что видится как наше близкое Лицо и истинная Природа, и существует совершенное общение, вечное согласие и никакой вероятности непонимания. Такое согласие нельзя переоценить, потому что это глубочайшая единность в Том, что мы и все существа есть *в реальности*. В свете этого основополагающего утверждения мы можем позволить себе любую степень отличия в том, чем мы *кажемся* снаружи.

В принципе, это сущностное переживание может передаваться без какого-либо изменения любому, кто захочет его. На практике, однако, необходимы подходящие средства передачи. К счастью, они обеспечивают почти стопроцентную эффективность и делают свою работу в считанные секунды. Они включают указующий палец и единственный глаз, которые мы уже использовали. Еще автор и его друзья за последние двадцать лет придумали множество других — некоторые из них основываются на органах чувств, отличных от зрения, многие вовлекают тело целиком, и практически все подходят для работы в группах любого размера. (Для более подробного ознакомления с этими

методами читайте книги, указанные в конце, а также послесловие.) Такое многообразие дверей в нашу истинную Природу очень ценно — разные двери для разных температур, контекстов, культур и эпох — но, тем не менее, случайно. Удобно иметь выбор дверей, ведущих Домой, но когда оказываешься внутри, кого волнует, какой дверью ты воспользовался? Любой вход в место, которое мы в действительности не можем покинуть, — это хороший вход. Им нет числа.

Иная, и последняя: видение Ничто всегда доступно, каким бы ни было твоё настроение, чем бы ты ни занимался, как бы ты ни был взволнован или спокоен в данный момент, — оно доступно всегда, когда в нём есть нужда. В отличие от мыслей и чувств (даже «чистых» и самых «духовных») оно рядом в тот же миг — достаточно только заглянуть внутрь и обнаружить, что головы нет.

Мы исследовали пять неочевидных благ этого простого внутреннего видения и выяснили, что оно до абсурда просто, совершенно безопасно, глубже самой глубины, удивительно легко передается и всегда под рукой. Но у этой потрясающей монеты есть другая сторона, делающая куча изъянов, или препятствий, которые обнаружилась в ходе экспериментов за последние двадцать лет.

Некоторые из этих очевидных недостатков выявляются из самих преимуществ этого внут-

реннего видения. Например, из-за того что оно так очевидно и просто, так доступно по перво-му требованию, естественно и обычно, его не-вероятно легко недооценить, даже беспере-монно отмахнуться как от чего-то слишком тривиального. На самом деле его неизмеримая глубина и духовная сила почти всегда остаются незамеченными, по крайней мере сначала. Как, возникает возражение, может такое деше-вое осознание (фактически, бесплатное) быть таким ценным? Дешево досталось — легко по-терялось. Какую духовную работу мы в него вложили, чтобы заработать сколько-нибудь достойную награду? Кроме того, это самое не-дорогое осознание приходит к нам не засвиде-тельствованное никакими мистическими ве-рительными грамотами, не подтвержденное вспышками космического сознания или экста-за. Наоборот, его цена бывало низка, а не высока — скорее долина, чем одна из знамени-тых вершин переживаний. Что в нем «гималай-ского»? В самом деле, непонятно, почему на-чалю книги разворачиваются в этих горах со всеми их величественными духовными ASSO-циациями и затмевает существенную дешевизну и обычность того, что там произошло. Видеть свое истинное Липо во всей его безыскусной простоте ничуть не сложнее в автомобильной пробке или в общественной прачечной, его трудно спутать с каким-либо достиженным. В любом случае действенный опыт — в от-

личие от его окружения, каким бы оно ни было великим или убогим, — невозможно оценить, из него невозможно выходить время от време-ни, чтобы с нежностью взглянуть на него со стороны, его даже невозможно вспомнить. Он есть СЕЙЧАС или никогда, и найти его можно только в Безвременной Зоне*. То, что ты есть, не нуждается во времени, чтобы из этого что-то получилось.

Неудивительно, что видеть Это (что то же самое, что сознательно быть Этим) — это такой неприукрашенный, аскетичный и даже блед-ный опыт. Тот факт, что он «нерегиптиозный» и «лишенный эмоций» как «холодное научное доказательство или обычность», «прозаичный и непримечательный», есть доказательство его подлинности. «Здесь ничто не разрисовано яр-кими красками, все серо и крайне скромно и неброско». Таковы лишённые энтузиазма ком-ментарии, вызываемые первоначальным виде-нием Ничто, и на то есть причина. (Наши ци-

* Чтобы найти местонахождение этой Зоны, отметь время на своих наручных часах и продолжай смотреть на них, мед-ленно поднося часы к глазам — до того места, где они пере-станут показывать какое-либо время, до места, где не остается ничего, подтвержденного изменением и способного таким об-разом отмечать время, до места, где не остается никого, кто может родиться или умереть, пробудиться или заснуть, до ме-ста «истинного видения, вечного видения». То есть до места, где ты есть Ты САМ и где ты всегда Дома.

(Это может стать возвышающим чтением, но останется не более чем иллемия, пока наш маленький эксперимент не будет выполнен на практике с настроением, в котором Оче-видное ценится тем выше, когда оно до смешного очевидно!)

таты позанимствованы у известного дзэнского эксперта Д. Т. Сулзуки. Он описывает сатори, то есть то же самое видение нашего истинного Лица, или Пустой Природы.) А что касается заслуженности этого видения или достижения Того, что при этом раскрывается, то это чужь, поскольку это видение Того, что мы (и все существа) есть, видение Безвременной Зоны, в которой мы все живем, независимо от заслуг и всех мистических сил — или их отсутствия.

Правда в том, что такие «изьяны» и «препятствия» — особенно кажущаяся поверхность этого внутренне видения — совсем не изьяны, а временные непонимания, с легкостью стираемые. Настоящее «препятствие» совсем другое, и оно кажется чрезвычайно серьезным. Заключается оно в том, что большинство людей, которым было показано Это, которые на краткое время взглянули внутрь и ощутили свою безголовость так, как было указано нами (а их число сейчас достигает уже пятизначной цифры), с удовольствием на этом останавливаются. Для них это не более чем любопытное приключение, если это им вообще интересно, необычный способ восприятия вещей. Или просто развлечение, приятный вариант детской игры, не имеющей никакой ценности в повседневной жизни. Он не подходит для продвижения, повторения или изучения, и уж точно не для практики. И поэтому *он практически совсем никак не действует.*

Откуда этот почти повсеместный отказ принимать всерьез то, что, как уверяют знатоки, лучшая из новостей, несущая огромное практическое приложение? В случае с совершенно нелюбопытными и самодовольными людьми, увянувшими в своих непроверенных убеждениях и целях, ответ очевиден. Каковы шансы изменить их веру? (И какое мы имеем право пытаться это сделать? В конце концов, в каком дом спрятан Тот, кто знает, что можно и что нельзя усвоить с пользой в данный момент, и кто уже есть и всегда будет этим Просветленным, этим внутренним Светом, из которого исходит все.) В случае с искренними ищущими, ответ лишь чуть менее очевиден: кто из нас захочет окончания поиска, если он с таким смыслом и благородством структурирует наше время и охраняет от скуки и если Ничто, которое по слухам лежит в конце нашего поиска, видится с этого безопасного расстояния скорее как неприкрытая угроза, чем как скрытое обещание? Нет, у нас есть все причины оставаться смиренными ищущими! Мы *не* просветлены! Факт в том, что во всех нас таится экзистенциальный ужас, мощное и вместе с тем естественное сопротивление тому, что, как кажется, выльется во внезапную смерть, полное уничтожение. Все эти слишком затянувшиеся и часто мучительные усилия, подстрекаемые социальным давлением, замаскировать пустоту внутри и выстроить на ней кого-то прямо

здесь, лицо, принадлежащее себе (а не кому-то еще), отчетливую собственную личность, устойчивый характер, соответствующий окружающим, — и вот сейчас (помоги нам Бог!) он выставляется как не только рассыпающийся карточный домик, но и (при условии, что он вообще стоит) как причина всех наших бед! Это, несомненно, плохая новость, особенно для тех из нас, кто, похоже, неплохо продвинулся в этой «юдоги становления души». Обновление всей индустрии личностного роста подрывается простым актом внутреннего видения. Неудивительно, что некоторые люди бывают заметно обеспокоены — растеряны, оскорблены, испуганы, раздражены, разгневаны и иногда впадают в ярость — когда им предлагаются заглянуть внутрь, и сразу бросаются прочь от этого ужаса. Это ужас не только взрослых: вот случай Пэнпи, которая в два с четвертью года уже болясь Пустоты*. Удивительно то, что каждый из нас, не смотря на все внутреннее сопротивление и внешне противодействие, должен приветствовать и стараться завершить эту подрывную работу. Такое стремление всегда было у крошечного ментшинства, и незаметно, чтобы их число быстро росло. Кто это — наивные, так и не выросшие люди, не забывшие свое безликое детство, или печально неадекватные персонажи, так травмированные жизнью, что некое подобие смер-

* См. стр. 69.

ти кажется облегчением, или сомневающиеся, для которых наш язык и убеждения — особенно религиозного толка — сомнительная необоснованная система защиты против несомненного, то есть нашей истинной Природы, или пытливые умы, так пристрастившиеся к поиску себя, что никакая цена не кажется им слишком высокой, или это просто недостойные объекты божественной милости? Или это сочетание этих типов? Рассмотрим собственный случай, читатель может следовать свой выбор.

Каким бы ни было объяснение, получается, что если это внутреннее видение потенциально представляет собой все, что мы ему приписываем (и еще гораздо больше), оно в действительности почти для всех просто еще одно проходящее переживание среди мирящих других, составляющих человеческую жизнь. Его нельзя даже назвать первым шагом на Пути, или, если и можно, это первый шаг, который не считается.

Однако некоторые все-таки идут дальше. И доходят до нашего пятого этапа.

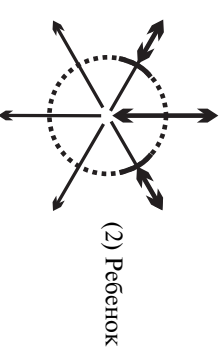
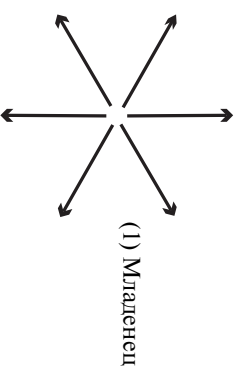
5. Практика безголовости

А теперь начинается «трудная» часть, то есть повторение безголового видения Ничто, пока оно не станет совершенно естественным и обычным, пока, что бы ты ни делал, не будет очевидно, что это делает не кто-то здесь. Дру-

гими словами, пока вся твоя жизнь не выстроится вокруг двухконечной стрелы внимания, одновременно направленной на Пустоту и обратно — на то, что наполняет ее. Такова основная медитация этого Пути. Это медитация для рынка и вообще для любого обстоятельства и настроения, но ее можно с пользой дополнить регулярными периодами более формальной медитации, например, ежедневно сидеть в тишине и спокойном месте, наслаждаясь именно этим видением — в одиночестве или (что лучше) с друзьями.

Вот медитация, которая, фактически, не убожает разделить наш день на две несовместимые части — время уединения и спокойного вспоминания и время самозабвенного погружения в суматоху мира. Напротив, весь день окрашивается одним ощущением, одним равнорным качеством. Что бы нам ни приходилось делать, предпринимать или выносить, можно обернуть нам на пользу: она предоставляет необходимую возможность увидеть То, кто вовлечен. (Чтобы быть более точным, абсолютно вовлечен, и все же абсолютно невовлечен.) Короче говоря, из всех видов медитации эта наименее неудобная и назойливая и (если дать ей время созреть) самая естественная и практичная. И еще увлекательная. Это все равно что ваше лишенное черт Исначальное Лицо, расплывающееся в улыбке, как у исчезающего чеширского кота!

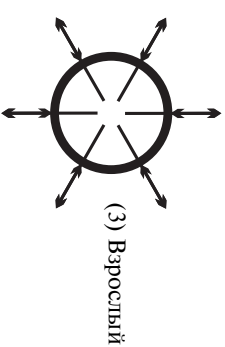
Сначала основная практика требует много внимания. Обычно требуются годы или даже десятилетия, чтобы достичь чего-то похожего на устойчивое и спонтанное внутреннее видение. Тем не менее этот метод довольно прост и одинаков на протяжении всего времени. Он состоит в том, чтобы перестать игнорировать смотрящего или, скорее, отсутствие смотрящего. Для некоторых эта практика долго кажется очень трудной. Другие — особенно молодые видящие, потратившие гораздо меньше времени и усилий на создание фиктивной личности в центре их вселенной — быстрее приспособиваются к ней. Это и неудивительно: они все еще ближе к первому этапу, когда, будучи мла-

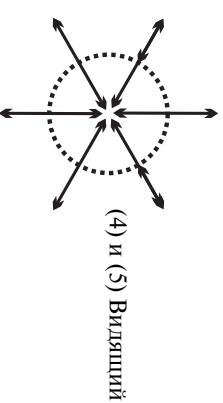
денцами, мы не были объектами, или вещами, для самих себя. Подобно животным, мы жили тогда без всяких трудностей в нашей центральной Невещественности, бессознательно. Теперь наше намерение в том, чтобы вернуться обратно и жить в нем сознательно.

Это очень вдохновляющее намерение. По сути это все равно что быть влекомым сильным течением эволюции — эволюции самого сознания — через предысторию и историю, и оказаться пойманным в собственную историю индивида*. На первом этапе младенца и животного ты был бессознателен — все стрелы твоего внимания были нацелены наружу: ты не замечал собственное присутствие. На втором этапе ребенка ты, вероятно, время от времени сознаял Себя. В эти моменты стрела внимания была повернута внутрь и попадала в цель: ты видел свое Отсутствие, случайно. Но все чаще и чаще твои направленные внутрь стрелы не долетали до цели — вместо того чтобы попасть прямо в центральное Отсутствие какого бы то ни было тела, они застревали в периферическом присутствии кого-то очень человеческого. Как взрослый с третьего этапа, ложно

* Строго говоря, эволюционирует, конечно, не само сознание — т. е. не осознанная Пустота, а то, что ее наполняет. Безвременное и абсолютное сознание, которым ты являешься (и которое некоторые обозначают термином «Осознание»), нельзя путать с его временным и относительным аспектом, когда он предпринимает и отвергает бесконечные действия, формы и осуществления.

(3) Взрослый

(4) и (5) Видящий

осознающий себя, ты направлял свои стрелы внимания на этого иллюзорного кого-то, на эту твою человеческую видимость, которая с каждым днем становилась для тебя все менее иллюзорной и вскоре стала твоей визитной карточкой, твоим «я». (Фальшивой карточкой, ложным «я»!) И теперь, как видящий четвертого и пятого этапов, ты снова по-настоящему сознаешь Себя, но на этот раз ты пронзаешь кольцо видимостей намеренно и постоянно и задерживаешься в Том, *чьими* видимостями они являются, в своей Реальности, которая и есть твое истинное Я, твое Присутствие-Отсутствие, Суть и Источник. Все чаще и чаще твои стрелы внимания, одновременно направ-

ленные внутри и наружу, попадают в цель. Ты становишься все более искусен в двустороннем просмотрении — одновременно просмотрении внутри и Ничто и наружу на все. Ты превращаешься в одного из этих мугантов-видящих, время от времени появляющихся среди нас в течение последних тысячелетий — которые несут надежду на следующий эволюционный скачок и которые, по сути, указывают лучший путь выживания другим видам. А пока ты практикуешь нашу медитацию, чтобы жить в мире, какой он есть сейчас.

Здесь возникает необходимость задать два важных практических вопроса.

Первый вопрос: насколько постоянна и непрерывна наша медитация? Возможно ли, после некоторой практики, ярко осознавать Себя все время, никогда не теряя из виду это Отсутствие? Рамана Махарши, когда ему задали этот вопрос, дал очень показательный ответ. Иногда, объяснил он, Самоосознание *джняни* выступает вперед, как ведущая мелодия в музыке. В другое время оно остается на заднем плане, как аккомпанемент басов, который ты не всегда замечаешь, пока он не прекращается — ты все время его слышал, но приглушенно. Воодушевляет то, что когда истинное сознание Я достаточно оценивается и упрочивается, с какого-то уровня оно может продолжать присутствовать без всякой суеты и беспокойства с твоей стороны. Это как любовь — она не ста-

новится меньше, если ты несколько часов не решаешься в памяти его или ее лицо или имя, — это данность, которая есть всегда, причем неизменно, что важно. Так и самореализация. Стоит ей лишь раз охватить тебя, и ты уже не вырвешься. Твоя истинная Природа сама находит способ стать все более и более очевидной. Она незаметно берет власть в свои руки. Любая попытка навязать ей искусственную преследующую какую-то цель дисциплину может только замедлить ее созревание или даже стать неким идиолопоклонством — поиск беззастыть Ничто в нечто искомое.

Второй вопрос: насколько на эту медитацию можно положиться в плане решения наших проблем? Насколько эффективен ее психотерапевтический эффект?

Путь без головы — в отличие от тех, которые сочетают восточную духовность и западную психотерапию, — не озабочен специальными наблюдениями за процессами ума, или психологическим исследованием, или медитацией, направленной на выявление подавленного ментального материала, или (коли на то пошло) успокоением ума. Он скорее следует Рамане Махарши, который учил: «Суть в том, чтобы пребывать в Я. Не обращайтесь внимание на ум». И Чжан Чжэнь Чжи, который (в своем ценном путеводителе «Практика дзэн») указывает на то, что дзэн интересуется не различными ас-

пектами и уровнями сознания, а проникновением в суть, «поскольку считает, что если эта суть схвачена, все остальное становится относительно не важным и кристально ясным». Нашла позиция в этом такова: конечно, очень важно, чтобы наши психологические проблемы и вообще любые возникающие мысли и чувства были ясно видны как они есть, но *всегда вместе с Тем, откуда они исходят, вместе с Тем, у кого они возникают*. Клиническая ценность современных психотерапевтических техник не подвергается сомнению, тем не менее наш радикальный ответ на психологические проблемы (как и на все другие) — это двунаправленное внимание; то есть одновременное рассмотрение внутри, в это абсолютно незапятнанное, незагрязненное и проблемное Ничто, и наружу, на любые туманные проблемы, которые там обнаруживаются. И лучшим решением будет решительно сдвинуть их из Центра туда, где самое место таким туманным вещам, а не пытаться прояснить саму туманность. Используя непревзойденный восточный образ, очень показательно, что чистейший и прекраснейший цветок — лотос просветления — расцветает в самой грязной и нездоровой болотной воде среди трясины страстей, низменных и глупых мыслей, зла и боли. Вычистите болото (мечтать не вредно!) или пересадите лотос в стерильные высокогорные снега эзотерической духовности, и он завянет. Дзэн доходит до того,

что утверждает, что страсти и *есть* просветление, болото и *есть* лотос.

Как всегда, наш метод состоит в том, чтобы соглашаться с очевидным, не тайным, а не спешишь трактовать и улучшать его. Такое соглашение ведет к неизменно возобновляемому открытию, что Данность все-таки не нуждается очевидно в наших беспокойных манипуляциях. На самом деле для нашего выздоровления необходимо смирение перед лицом «внутреннего» и «внешнего» (то есть нашей совершенной центральной Реальности, абсолютно отличной и в то же время абсолютно единой с ее слишком несовершенными психофизическими проявлениями, ее областными явлениями, со всем ее обрамлением). Это двустороннее внимание, очищенное от однонаправленной цели, достаточно для освобождения нас от всего зла. Оно раскрывает Истину, которая дарует нам свободу, — свободу Дома, где нет ничего, на чем могли бы остаться следы или отпечатки, где ничто не связывает нас и не может ничего испортить и где вид наружу, в царство вещей, в котором все всегда кажется неправильным, также безупречен. Да, совершенно безупречен, независимо от того, насколько устрашающим он кажется, когда мы не замечаем Дом и его безопасность и глупо воображаем себя отделенными личностями или это там, в самой гуще происходящего, в ужасной опасности. Там наша иллюзия эгоцентричности привлекает

бесчисленные белды на нашу голову. Здесь наше осознание ноль-центричности не только запишет от них нашу голову и все остальное, но и полностью трансформирует нас. Видимая из своего Источника окружающая трясина начинает приобретать Красоту, превосходящую красоту и уродство, и наши мысли, чувства и действия спонтанно добавляются к этой абсолютной Красоте.

Наша двусторонняя медитация, таким образом, — это самая радикальная психотерапия, настолько глубокая, что явные и отчетливые результаты могут появляться на поверхности очень медленно. Тем не менее при достаточной настойчивости результаты неизбежны — скорее неожиданный приз, чем ожидаемая награда — очень характерные улучшения во «внешней» картине, в проблемном царстве нашей повседневной жизни. Обычно это оживление чувств (снятие экрана, приглушающего громкость звуков, затемняющего яркость цветов, размывающего формы и отфильтровывающего очарование, сияющее в самых «уродливых» местах), а также следующий за этим целый комплекс взаимозависимых психофизических изменений, включающий непрерывную осознанность «целостного тела» вместо опрометчивой прерывистой настояренности «головы» (как будто ты преледельно готов к гонке не на жизнь, а на смерть), уменьшение напряжения, особенно в области глаз, рта и шеи (как

будто ты наконец-то отпустил их), постепенное снижение центра тяжести (как будто потеря головы способствует нахождению сердца, живота и ступней, которые теперь укоренены в Земле), потрясающее смещение вниз твоего дыхания (как будто это функция живота) и общее нисхождение (как будто все то хорошее, за чем ты тешно тянулся вверх, оказалось у тебя под ногами). И, уравнивая это нисхождение, — общий подъем, включающий в себя чувство возвышения (как будто у тебя безупречно прямая спина и ты высок, как небо), творческий подъем, подъем энергии и уверенности, новая детская спонтанность и веселость и, в довершение ко всему, легкость (как будто тебя не просто уносит ветром, а ты и есть ветер). И в конце, возможно, затихание страхов, значительное снижение жадности и злости, сглаживание личностных отношений, бо́льшая способность к бескорыстной любви, бо́льшая радость. Как правило, однако, особенно после того как уходит начальная увлекательность и новизна самоосознания, наслаждение собственной истинной Природой притупляется ожиданием привилегий для своей человеческой природы — эти привилегии переживаются как скромные, обрывочные и неоднородные. Внешние плоды внутреннего видения не так обильны, как хотелось бы, медленно созревают и даже тогда, возможно, более очевидны другим, чем самому себе. Часто не бывает во-

обще никакого чувства усовершенствования. Может даже возникнуть разочарование, чувство, что в чистом видении чего-то не хватает. И это приводит нас к следующему этапу нашего путешествия.

6. Отработка

Мы должны продолжить, чтобы проникнуть глубже в смысл безоголовости, ее ценности в жизни, ее глубинного влияния на наше мышление и поведение, наши отношения и нашу роль в обществе. Этот этап, не так четко очерченный, как другие, и просто вынужденный совпадать с ними в довольно большой степени, фактически никогда не заканчивается. Здесь нет стандартной схемы.

Все зависит от талантов и темперамента индивида и его способности объединяться с другими и получать их поддержку. Конечно, гораздо приятнее и легче двигаться по этому Пути и делать открытия, принадлежащие этому этапу, в компании друзей, а не в одиночестве. Тем не менее ни одиночество, ни другие трудности тебя не удержат, и все — правильные книги, учителя, обстоятельства — придет тебе на помощь, если ты полон решимости двигаться вперед*.

Большинству из нас необходимо не только дисциплина и поддержка группы, но и верный

* В Послесловии к этой книге предлагаются практические советы о том, как выйдешь из группы и выйдешь.

духовный указатель, представляемый (не всегда намеренно) тем или иным ее членом. В любом случае автор может подтвердить, что когда ему не хватало (или когда он упорно считал, что ему не хватало) кого-то вроде роси, гуру, исповедника или духовного руководителя, его видение пути становилось слишком близоруким, а курс — извилистым.

«Увы, у меня нет "безголовых", или "видящих" друзей!» — жалуется новичок-выдвигший. На самом деле у него их много, просто он их не знает. И рано или поздно, при наличии достаточного терпения, он может заполучить тех, кого знает, — ведь это (как нам уже известно) самый легко передаваемый опыт, совершенный инструмент общения, который можно вручить. Не стоит унывать, когда люди реагируют отрицательно, поскольку, чтобы выбросить это прозрение, они должны вначале принять его и продвинуться на шаг к тому времени, когда оно сможет остаться. И не стоит теряться, когда они наносят ответный удар (например, споря, что показываемое им слишком напоминает визуальный эффект и потому не может быть действительным и тем более важным, если не подтверждается другими органами чувств и его невозможно продемонстрировать слепому). По уже изученным нами причинам само упоминание безоголовости для многих людей слишком оскорбительно, и их возмущения бесконечны. Не обращай внимание — безоголовость

всегда для жизни, иногда для передачи, но никогда не для споров.

Поскольку на возражение о слепом есть свой «ответ», он может принимать форму небольшого эксперимента. «Ослепни» и «посмотри», есть у тебя голова или нет. Можешь ли ты, читатель, сделать это прямо сейчас? Закрой глаза и в течение десяти секунд проверь, есть ли у тебя малейшее подтверждение наличия головы, занимающей центр твоего мира, наличие чего-то здесь, что имеет определенные границы, форму, размер, цвет или непрозрачность — не говоря уже о глазах, носе, ушах или рту. (Большая шекотка, вкус и пр. не составляют голову и вообще не имеют к ней отношения.) Или, раз уж на то пошло, есть ли у тебя прямо сейчас хоть малейшее доказательство наличия тела? Сколько больших пальцев ног ты можешь насчитать с закрытыми глазами, если отбросить память и воображение и судить только по тому, что есть в данный момент?

На самом деле слепые друзья автора уверяют его, что очень ясно воспринимают отсутствие головы и тела и присутствие своей истинной Природы как Пустоты, или Пространства, или Емкости для всего воспринимаемого, включая «телесные» ощущения любого вида. В этом путешествии путешествий у зрячих нет никаких преимуществ перед слепыми. Истинное видение, вечное видение доступно каждому.

Для всех нас эта двунеправленная медитация в сущности одинакова, каким бы смыслом мы ее ни наделяли. Система всегда двусторонняя, но абсолютно асимметричная. Птичий крик падает в Безмолвие здесь, вкус клубники чувствуется на неизменном фоне Безвкусия, тот ужасный запах возникает по контрасту с этим постоянным отсутствием запаха, с этой Свежестью и так далее. Точно так же наши мысли и чувства появляются только на пустом экране здесь, который дзэн называет не-умом, и уходит не оставляют на нем никаких следов. И когда я «противостою» тебе, твое лицо там появляется перед моим отсутствием лица здесь — лицом к не-лицу — что бы я ни вбирал в себя, я должен быть свободен от этого: чтобы наполнить чашку водой, она должна быть пуста. Разница громадна. Но это не значит, что, практику нашу двунеправленную «медитацию для рынка», мы думаем обо всем этом. Мы просто стараемся не терять связь с Отсутствием себя.

Все это показывает, как многочисленны и разнообразны дороги Домой и что слепые, как и глухие, ничуть не менее приспособлены путешествовать по нашему Пути. Однако зрячим, в отличие от остальных, помогают некоторые помощники. (Это и не удивительно. Ведь не просто так просветленных называют видящими, а не слышащими, нюхающими или прикасающимися — и, уж конечно, не думающими! Зрение естественным образом стало

царем чувств: одновременно направленные внутрь и наружу, оно — заклятый враг туманного, прароткрывателя Очевидного.) В следующей подборке из множества ожидающих нас ощущений (если они покажутся более приземленными и, местами, более смешными, чем духовные, это только к лучшему!) будет легче отличить менее важные, зависящие от внешнего видения, от более важных, от него не зависящих.

1. Внешне я кажусь объектом, движущимся в Пространстве. На самом деле я само недвижимое Пространство. Идя по комнате, я смотрю *вниз*, и моя голова (не-голова) — бесконечная пустая неподвижность, в которой болтаются эти руки и ноги. Вела машину, я смотрю *вперед*, и мое человеческое тело (не-тело) — та же неподвижность, в которой целая местность тасуется, как колода карт. Выходя на улицу ночью, я смотрю *вперед*, и мое земное тело (не-земное тело) — та же неподвижность, в которой эти небесные тела кружатся и танцуют. (Нет, я не могу найти здесь голову, поворачивающуюся вправо-влево, вверх-вниз!) И, наконец, самое важное: я «слепну» (закрываю глаза, говорят они), и мое тело Вселенной (тело не-Вселенной) — та же самая бесконечная пустая неподвижность, раскрывающая себя как недвижимый не-ум, чье ментальное содержание отказывается оставаться неподвижным даже мгновение. Помимо подтверждения нашего истинного *Я*, этот аспект нашей подчиненно-

сти Очевидному — нашего двунаправленного смотрения, нашей медитации для всех времен года — убивает спешку из «спешки со-временной жизни», или, скорее, из того, кто думает, что спешит. Он не продвигается ни на дюйм. Вся его суэта иллюзорна. Единственный возможный способ успокоиться — перестать игнорировать место, где он всегда пребывает в покое, где Покой, превосходящий всякое понимание, так ослепительно самоочевиден. Этот вождленный покой, который, как ему кажется, всегда его избегает, находится в самом его центре, *моля о том, чтобы его заметили!*

2. Хотя другим, находящимся там и смотрящим на меня с некоторого расстояния, я кажусь движущимся и ограниченным человеческим объектом, на самом деле я здесь (видя себя с расстояния) — это неподвижное безграничное и нечеловеческое Ничто. Это Ничто, или Пространство, наполнено, согласно моему восприятию, всевозможными вещами — движущимися, цветными, четко очерченными, шумными, приятными и неприятными, осязаемыми и неосязаемыми и так далее. И, как ни парадоксально, просто потому что это Пространство абсолютно не похоже на то, что его наполняет, и абсолютно им не затронуто, оно полностью отождествляется с ним. *Я* не верю в это, я вижу это. Пространство и *есть* те вещи, которые его занимают. Эта неподвижность-Без-

Молвие и *есть* движения и звуки, фоном которых она является. Как *ничто*, я это *что-то*, как *ничто* — я *есть*.

3. И все это находится прямо здесь. Так, солнце, облако, дерево, трава, окно, ковер, запыленная словами страница, держащие ее руки — все они присутствуют, ясно видны мне там, где нахожусь я и моя камера, но не там, где нас нет. Между нами нет никакого расстояния. (Как указано ранее, если я подойду к ним, я постепенно потеряю их из вида, более того, линия, проведенная между нами, соединяющая это место с самым дальним объектом, видится мной как лишняя длинная точка.) Следовательно, весь мир принадлежит мне, я несказанный богач. И, наоборот, такая ответственность — единственно реальная. Поскольку, как это крошечное, плотное (и совершенно фиктивное) *ничто* здесь, я не допускаю в занимаемый мной объем никакие другие объекты, я беднее нищего, а как необъятное, пустое (и реальное) Ничто, или Пространство, я выпускаю их внутрь и получаю всю Вселенную, владею всем на свете. Неудивительно, что все такое неотразимое, непосредственное и — *яркое!*

4. Как же получается, что я по-прежнему вижу все — начиная с собственных рук и заканчивая голубым небом — как будто оно снаружи, а не внутри? Или, загадочным образом, одновременно и там и там? На одном уровне ответ в том, что этот трехмерный мир — такой

удобный способ собирания данных, модель, чья ценность для выживания подтверждают сами мои глаза, физиология которых так замечательно приспособлена для отыскания глубины. На более глубоком уровне ответ таков: в действительности трехмерен не мой мир, а Видящий его. Здесь во мне, на моей стороне этого указывающего внутрь пальца, этой страницы, любого предмета, тянется неизмеримая Бездна. (Ей я обязан счастливому, хотя и парадоксальному факту, что услышанное звездами небо, хотя и не удалено от меня ни на ангстрем*, тем не менее все-таки другое, более ошеломляющее бесенное, чем когда-либо. Давая ему безграничное расстояние из своих безграничных заповей, я придаю ему безграничное очарование.) Так или иначе, двухмерность моего младенчества должна была закончиться. В детстве и юности я привык оттапливать мир, навязывать ему его собственное расстояние. И, разумеется, в результате я потерял его. Постепенно моя проекция его достигла его неприятия мной и его неприятия меня, и все больше росли мои бедность, одиночество, отверженность и отчужденность. Начальная ценность этого метода для выживания стремительно двигалась в обратную сторону, пока не превратилась в, так сказать, ценность для вымирания. Но сей-

* Ангстрем — внесистемная мера длины, равная 0,1 нанометра (10⁻¹⁰ м). Применяется в оптике, атомной физике, физике твердого тела и пр. (Прим. пер.)

час наконец, как видящий последних этапов, я не отталкиваю его, а снова выпускаю внутрь — мир такой же бездонный и непостижимый, как и я. Двухконечная стрела моего внимания одновременно направлена вперед, на внешний мир объектов, который на самом деле начинается и заканчивается прямо здесь, и назад, на «внутренний» мир Ничто, который никогда не заканчивается. И оба они — один мир. Все во мне, все мое, все есть я, и у меня снова все хорошо.

5. То, что по-настоящему принадлежит мне, помогает, а не препятствует. Если Вселенная моя, она должна вести себя так, как я хочу. Но правда в том, что эта Емкость, или Пустота, которая и есть я, подобно зеркалу, не может отвергать свое содержимое, иметь предпочтения или привязанности. Она должна подчиниться тому, что происходит. У нее нет выбора, однако (как будет видно дальше) она ответственна за все, что возникает. Она не желает ничего, но все происходит согласно ее воле.

6. Даже мои собственные действия становятся приемлемыми. Мои глупейшие ошибки иногда оказываются совсем даже не ошибками. В любом случае, что бы я ни делал — отмыть посуду и вождения машины до обдумывания этого абзаца, — я обнаруживаю, что делаю это гораздо хуже, если представляю, что это делает находящийся здесь некто с головой, и гораздо лучше, когда выпроваживаю его. Со-

значительно жить с истинной «я Ничто» неравнимо лучше, чем жить с ложью «я нечто», что не удивительно.

7. Никогда не терять связь с Этим — вопрос представления приоритетов. Когда как личность я прямо нацеливаюсь быть снаружи, впереди, вовлекаться в жизнь и быть с ней, я отчуждаюсь от жизни, противостою ей и становлюсь жертвой. А когда моя цель не прямая, а через воспринимаемое Отсутствие здесь личности, ищущей вовлеченности, что ж, тогда я не только снаружи в мире, не только с ним — я наслаждаюсь ощущением, что я и *есть* жизнь. Я свободный, жизнеутверждающий, «озаренный всеми существами», как восхитительно выразился дзэнский мастер Догэн. Озарен тем, чем они кажутся, а также Тем, что они есть.

8. Я пришел к осознанию, что мое видение Отсутствия здесь — это видение не *моего* Отсутствия, а Отсутствия всех. Я вижу, что Пустота здесь достаточно пуста и велика для всех, что это *та самая* Пустота. По сути, мы все одно и то же, и никаких «других» нет. Следовательно, все, что я делаю другим, я делаю самому себе, и что происходит с ними — происходит со мной. Это факт, который я должен воспринимать очень серьезно. Называйте это необусловленной любовью, или состраданием, или подлинно великодушным сердцем — без этого спонтанная жизнь, мое внутреннее видение — лишь предположение.

9. Вглядываться в Ничто — значит сознательно соединять себя с Источником всего — изначальностью. Изначального, создадимем Создателя — с первоисточником любого истинно спонтанного чувства и действия, всего нового и потому непредсказуемого. И, как всегда, этому не надо верить, это надо проверять. Вглядывайся, и посмотрим, к чему ты придешь!

10. Это видение приходит Домой, к единственной безопасной гавани, к нашей дорожной земле (глубоко знакомой, но неистово загадочной), к тому, что заслуживает доверия. И это тоже требует ежедневной круглосуточной проверки.

Эти десять и бессчетное количество других осознаний ожидают путешественника на данном этапе пути. Они причина и несомненный признак углубления и совершенствования его или ее изначально безголовости. Или, лучше сказать, они часть отработки того, что с самого начала было скрыто в этом видении.

Среди всех них выделяется одно осознание — многостороннее духовное развитие, подходящее для нашего шестого этапа, но, разумеется, не ограниченное им, которое настаивает на особом внимании в этом месте. Это опыт *незнания*, глубокого и всеохватывающего неведения. Фактически, из «я ничто» следует «я ничего не знаю», поскольку очевидно, что ничто, *наделенное информацией*, уже не ничто, а нечто — форма, а не пустота.

Это незнание распадается на две четко выделенные части.

Первая — это отбрасывание убежденности в том, что, *конечно же*, все такое и есть и должно быть таким. Это отказ от нашей взрослой, умудренной опытом уверенности бывшего человека, что (как мы говорим) мы все это знаем, все это видели, что под этим солнцем нет ничего нового, что все это уже давно описано, что «ух ты!» — это наивное ребячество, а сопровождаемое зевком «ну и что?» — взрослая мудрость. (Неожиданно подними мизинец, моргни, заметь радующие, с которыми ты воспринималась эти печатные значки и эти звуки, — ту живость, которой эти действия обязаны глубине и ясности предоставляемого тобой пространства для них, и признай, что не имелешь ни малейшего представления о том, *как ты делаешь* эти и другие чудеса.) Это подобно полному забыванию, выстириванию нашей запатканной вселенной, смыванию многочисленных слов имен, воспоминаний, ассоциаций, в результате чего она становится незнакомой, свежей и приятно пахнущей. Это значит перестать принимать что-либо как само собой разумеющееся. Это значит заново открывать очевидное как очень странное, данное — как чудесное и драгоценное, прежде чем подчинять это нашим целям. Это значит признать красоту, которая всегда была здесь. Это значит по-настоящему *смотреть* на «убогий» камень и

упавший лист, на «мерзкий» мусор, на «бесплезные» вещи вроде формы и цвета теней и отражения цветных огней города на мокрых дорогах в ночи (которые мы перестали видеть, потому что не ездим по ним). Это значит сознательно быть тем, что мы есть, — Емкостью для вещей, Пространством, в котором каждая из них может достичь своего особого совершенства. Это значит постоянно видеть все из Источника, восстанавливая его единство с Бесконечностью, лежащей по эту сторону от него. Это значит видеть, слышать, обонять и осязать вещи будто в первый раз, освободившись от сокрушительного бремени прошлого. Это оживление и расширение нашего детского удивления. Это значит присутствовать на заре сотворения мира, до того как Адам дал существам имена и почувствовал скуку. Это значит видеть их глазами Создателя, как нечто очень хорошее. В терминах дзэн это значит «быть озаренным всеми существами», потому что ничто здесь не может затмить их свет.

Это незнание не имеет границ. Оно танется за пределы воспринимаемого ко всему, что мы чувствуем, думаем и делаем. Оно означает перестать знать, как взаимодействовать с жизнью, куда идти, что делать после того, как закончено это неотложное дело, что произойдет с нами завтра, на следующей неделе, в следующем году. Оно означает идти шаг за шагом с завязанными глазами в уверенности, что это

Пространство здесь — которое есть ничто и не знает ничего, кроме Себя, — несмотря ни на что в каждый миг будет предоставлять все, в чем мы нуждаемся. Это значит жить как ладьями, не думая о завтрашнем дне, доверяя Источнику. (Конечно, это можно использовать как оправдание, чтобы уйти, но жить этим — значит войти и отдать жизни все, на что мы способны, включая любые необходимые планы.)

К жизни незнания, ее необычайной радости и практической нельзя напирать прямо. Их можно найти, только если откататься от всех притязаний на них, от любых мыслей об их развитии. Однако можно не сомневаться, что в свое время они сами придут, если мы будем внимательны к их фонду, к Ничто. Ищи сначала это пустейшее из Царств (внутреннее Царство), и все прекрасные вещи будут твоими, будешь искать их — ничего не найдешь. Давай останемся в Пустоте, которую так хорошо знаем (и не знаем), и Она обеспечит наполнение, которое мы совсем не знаем, но которое обернется именно тем, что требуется в данный момент.

Почему нам не следует сомневаться, что Она всегда снабдит нас правильным ответом, каким бы неправильным ни казался вопрос? Почему мы должны доверять Ей абсолютно? Если наш опыт еще не дал нам непреодолимого стимула сделать это, давай прямо сейчас по-

смотрим на то, что является Ее самым возвышенным, ярким, внушающим доверие и уму непостижимым (но совершенно очевидным, когда испытано) достижением из всех возможных.

Вторая категория незнания — это не отбрасывание нашей убежденности, что вещи, конечно же, должны быть такими, какие есть или какими мы их делаем, а отбрасывание того, что они *вообще должны быть!* Почему само существование должно существовать? Разница между этими двумя незнаниями неизмерима. Они вообще из разных классов. Первое видит осознаваемые нами вещи как чудеса. Для второго Чудо — осознанное Ничто, из которого они все вышли. Первое относительно мягкое, тихо движущееся вперед, вечно меняющееся, постепенное. Второе — ошеломляющее, бескомпромиссное, ни на что не похожее прозрение.

Однако ключ к нему так мал и лежит между двумя короткими словами «что» и «то». Здесь, «*Что такое реальность*» теряет всю важность, а *Та реальность* становится крайне важной. Людвиг Витгенштейн писал: «Что представляют собой вещи в мире — вопрос полного равнодушия к тому, что выше. Бог не раскрывает себя в мире... Чудесно не то, *что* являют собой вещи в мире, а *то*, что это существует». Я бы дополнил это так: «Поистине чудесно то, что Бог — то есть Самоосознающее Бытие — существует, и в сравнении с ним существование этого ми-

ра относительно непримечательно, привычное дело».

Здесь я вновь вернусь к фактам автобиографии. Я, конечно, не могу вспомнить в деталях ранние эпизоды моих часто прерываемых (но страстных и длившихся всю жизнь) любовных отношений с Тайной Существования. Тем не менее последующее восстановление этого четырёхэтапного приключения, вылившееся в открытие высшего смысла и ценности «отсутствия головы», — лучший способ передать его дух, его настоящее ощущение:

1. Я, юный подросток, разговариваю с взрослым другом:

ДК: Папа, Бог создал мир, но как он вообще сам возник? *Кто создал Бога?*

Друг: Никто. Он создал сам себя.

ДК: Но как он мог это сделать? Сначала что, не было вообще ничего — великая пустота — и затем — БУМ! — и вот он есть? Он, наверное, был *потрясен!* Я так и слышу, как он говорит: «Смотри-ка, я только что создал сам себя! Какой я *умный!*»

Друг: Ты непочтительен. Бог так велик, что он был всегда, он *должен* был быть всегда. Как он может быть потрясен собственным существованием? Это его природа.

ДК: Ну, мне кажется, у него мурашки идут по коже всякий раз, когда он замечает,

что сотворил — создал себя прямо из ниоткуда (и не спишим старым куском чего-то, а полностью пробужденным), и некому ему помочь! Это не просто магия, это *невозможно!* Потом он может делать все: создавать миллиарды самостоятельных миров с завязанными руками!

Друг: Ты не понимаешь. *Должен* быть Кто-то, создающий все.

Дж: Но не кто-то создающий самого себя! Он не должен был возникнуть. Он мог никогда до этого не дойти. Или, если бы и возник, там должен был быть Кто-то еще, заставивший его возникнуть, что означает, что на самом деле он не Бог. Истинный Бог — это тот Кто-то еще, опять-таки занятый придумыванием самого себя!

Друг: (поднимаешь, чтобы уйти): Эти вещи — вообще не наше дело. Бог и начало творения — это тайны, и не нам их выведывать — тайны для нас, конечно, не для него.

Дж: (самому себе): Тогда зачем он сделал меня «выведывателем»? Мне по-прежнему кажется очень смешным — смешным и странным — что вообще есть хоть кто-то и что-то! Вель не должно быть ничего! Ни крупинки, ни намека, ни проблеска осознания.

2. Несколько лет спустя. Уже взрослый, но еще не сознательно безголовый, я продолжал размышлять на тему Самосуществования, которая не оставляет меня в покое.

Бог сам — архинезнающий! Бог (или как ни назови того или ту, кто есть Ничто, Источник, Осознание, Бытие) не может понять, как возник сам, как вытянул сам себя из пустого не-существования, как пробудил себя из глубочайшего сна, из долгой ночи без сновидений. Понять себя — значит стать ниже себя в бесконечной и бессмысленной деградации. Абсурдное и саморазрушительное искажение! Ему нравится быть для себя загадкой: Бог, вечно оценивающий сам себя, страдал бы вечной скукой. И это божественное неведение — ничуть не недостаток его природы. Совсем наоборот: именно по этой причине он всегда восторженно поражен самим собой, вне всякой меры. Это причина его смирения, настолько превосходящего человеческого, его трепета перед лицом собственного невыразимого величия, его головокружения, когда он вглядывается в собственные бездонные глубины. (Только мы, посредственные человеки, достаточно тщеславны, чтобы претендовать на Бытие как на наше естественное право, как будто дело уже в шляпе и должно восприниматься как само собой разумеющееся, как будто нам его регулярно подают на завтрак!) И когда наконец наша глупая претенциозность изнаши-

вается, это абсолютная причина не только для нашего обожания его, но и для неограниченного доверия и оптимизма. После этого изначального и единственно реального Чуда, разве могут остаться невозможные чудеса? Все возможно для Того, кто достиг Невозможного. Тот, кто обладает великим знанием — знанием и незнанием того, как быть, — не дурак. Его мир не сбился с пути. Все хорошо.

3. Теперь мне слетка за тридцать, и я уже «потерял голову». В результате мое детское и юношеское благоговение перед Существованием начало принимать новое измерение. Я с удивлением натыкаюсь на ясные и вдохновляющие слова Святого Хуана де ла Крус: «Те, кто знает Бога лучше всех, яснее всех осознают, что он совершенно непостижим». Это приводит к ошеломляющей мысли: то, что придает ценность нашему знанию его (как совершенно непостижимого), делает его истинным знанием, — это на самом деле его знание самого себя, продолжающееся в нас. Ведь мы поражены и потрясены чудом Самосотворения не как эти маленькие, непрозрачные, надленные головой, слишком человеческие существа, а как сам Само-Создатель. Нет, мы не тешим себя иллюзией собственного величия! Напротив, мы отклоняем как смехотворные все наши притязания на личную божественность. Настоящее высочайшее, сущее святогатаство — притворяться, что это человеческое существо как таковое мо-

жет взойти на головокруглые вершины, с которых виден Бог, не говоря уже о главном обмане, что это человеческое «существо» само по себе обладает каким-либо существованием отдельным от Единственного, кто *есть*.) Чрезвычайно важно (а также бесконечно возвышающе и смиряюще), что наш изумленный восторг от его достижения — не что иное, как его собственный изумленный восторг — только истинное, а не его отражение или даже участие в нем. На этом уровне какие могут быть другие, чтобы разделить с ним это достижение?

4. И вот на меня вдругнисходит вышшая (и наконец-то совершенно очевидная) истина. Самовозникновение — не невозможный поединок совершенный кем-то другим где-то далеко как-то раз давным-давно, а происходит прямо здесь и сейчас! Эта Невозможность непрерывна, неисчислима и присутствует всегда. Здесь, в этом презираемом, по слухам крошечном и незаметном месте, предположительно заткнутом головой, — *здесь, будто в нервный раз (опустить «будто») разворачивается вся неистово экстравагантная драма Самосозидания во всем ее нетронутым чуде, в этом самый миг!* Прямо здесь и сейчас это умопомрачительное чудо — этот выкрик «Я есть!» — мой выкрик — это мое чудо, мое Я. Я должен принять это во внимание. Прямо здесь и сейчас я больше не могу избежать ответственности за саму Естественность, не говоря уже обо всем, что есть.

Если в самом центре моей вселенной находился некий ступок — маленький, чрезвычай- но личный ящичек, до краев набитый нервной тканью и процессами, — было бы безумием предполагать, что такой крошечный объект может заключать в себе космос, его источник и всю загадку Бытия! К счастью, я осознаю — можно сказать, что это безголовое Место само осознает, — что как абсолютно незаромо- денная и бесконечно растянутая Осознан- ность, оно идеально подходит для этого гран- диозного задания. Это для него самое подходя- щее дело. Более того, я убежден, что это самое крошечное и самое великое, самое скрытое и самое доступное, самое близкое и хорошо из- вестное и совершенно неизвестное место включает в себя много больше — неизмеримо больше — сюрпризов, невообразимо чудесных. Кто бы мог подумать, что потеря одной головы приведет к обретению целой сокровищницы?

Однако само богатство этой потенциально- сти, неотграниченные запасы этой пещеры Аладдина, могут стать причиной разочарова- ния, беспокойства, что в конце концов мы на- всегда приговорены оставаться ищущими, ли- шенными возможности обрести все это, всегда упускающими нечто важное, всегда останавли- вающимися на краю откровения. Но такое бес- покойство возникает, только когда мы теряем из виду саму пещеру — То, что так изобильно, Прозрачный Источник и Емкость, окончание

всех осознаний, нашу истинную, вечную и ли- шенную качеств Природу. Они рождаются, Она не рождена. Они приходят и уходят, при- бывают и убывают, Она никогда не меняется. Они сотканы из мыслей и чувств, Она свобод- на от них. Даже тончайшее из этих осознаний, даже высочайшее чудо Самосотворения* не реально так, как реальна Она, и ни к одному из них не стоит привязываться или пытаться по- нять. Однако все они по мере возникновения должны быть приняты с почтением, как несущие власть своего Начала и прекрасно подхо- дящие к данному времени и ситуации.

Это ни в коей мере не конец великих осо- знаний, размечающих этапы Пути без головы. Нам еще идти и идти. Более того, дальше путь будет все труднее. Впереди виднется слож- нейшая преграда...

7. Преграда

Не важно, насколько радикальны открытия, сделанные во время пятого и шестого этапов Пути, или насколько ценными они оказались,

* «Евангелие египтян» обращается к «самопорожденному Совершенному Единому, который не вне меня», а «Пречасти- ный трактат» говорит о невыразимом Едином, который «знает себя таким, какой он есть, а именно таким, кто досто- ин собственного восхищения, славы, чести и восхищения, так как он произвел сам себя». Иностики, авторы этих строк, жили в III–II вв. до н. э. В 1657 году католик Ангелус Силе- сиус обрисовал Бога как «склоняющегося перед самим со- бой». Он чудесен, потому что «желает то, что он есть, и есть то, что желает, без конца и причин».

в конце они оставляют путника глубоко недовлетворенным. По-прежнему присутствует глухая боль, какое-то невыразимое стремление. Несмотря на весь этот значительный духовный «рост», очень важная область остается неисхоженной или, по крайней мере, плохо освоенной. Эта темная и опасная страна населена чудовищами, и ее нельзя перейти просто так. Это территория воли. Здесь, за спиной всех этих несущих свет событий, упорное это продолжает свою работу, возможно, даже более усердно, чем прежде. Так мы подходим к седьмому этапу нашего Пути, больше похожему на тупик или непреодолимое препятствие, чем на то, что он есть на самом деле, — этап настоящей проверки путешествия, богезненный, но необходимый.

Это обидное и, возможно, даже ужасающее открытие, что такое абсолютно ясное и почти привычное видение Ничто здесь (поддерживаемое всеми теми ободряющими разработками, о которых мы писали ранее) может сочетаться с не-видением какого-то массивного Нечто, а именно личной отделивающей воли, или это. Будто чьи-то глаза (восприятие) и голова (думание) открылись и наполнились светом, а сердце и нутро остались хотя бы частично закрытыми и темными. Как будто ты сдался только наполовину — верхняя часть полностью, а нижняя сопротивляется как безумная. До некоторой степени «высшая» и более со-

знательная область целой личности вошла в конфликт и отделилась от «низшей», менее сознательной. (Такое положение может быть даже хуже, чем положение «неозаренной» личности, которая на обоих уровнях связана своей выдуманной вещественностью и, таким образом, избегает серьезного внутреннего разлада.) И вот результат: растущий необъяснимый стресс, возможно, сильнейшая депрессия, ощущение своей никчемности и бесполезности. Тебя преследует неотступная мысль — а не был ли весь этот духовный «рост», все усилии, ведущие к этой Преграде, просто потерей времени, даже обманом?

Мы можем реагировать двумя способами. Глубоко разочарованные, мы можем повернуть назад с печальным чувством, что Путь ясного видения не так уж прям в конце концов и гораздо труднее, чем казалось. И мы можем оставить эту трудную пустынную тропу и попробовать пройти другим путем, по лучше вымощенным, общедоступным и живописным хорошим дорогам, возможно, заказывая по пути тот или иной духовный тур, предлагаемый в сопровождении гида. Такая реакция вполне обычна и понятна.

Менее распространена такая реакция — остановиться в этом месте и начать использовать и совершенствовать особые силы, или *сидхи*, которые уже появились с приходом внутреннего видения, или безголовости, применяя их к

ограниченным, хотя и не всегда узко личным целям — целям, которые, будучи разумными или даже благородными, по сути поставлены раздвояющим это. (По правде говоря, никакое путешествие это не сравнится с духовным путешествием это! Говорят, Сатана — самый одаренный из всех ангелов. Единственное духовное качество, которого ему не хватает, — это смирение, самоотдача. Правды в этом не больше, чем в любом глубоко значимом мифе, тем не менее, это во всех нас довольно коварно и способно на бесчисленные хитрости.) Например, сейчас, как и в прошлом, процветают различные типы одаренных духовных адептов, чудотворцев и магов, лидеров крупномасштабных культов, которые пытаются (иногда с потрясающим успехом, хотя и кратковременным успехом) использовать свою связь с Тем, что они есть, чтобы продвигать то, чем они не являются, — то есть свое ложное «я», свои ограниченные цели, свою власть над другими, короче, свое это*. В худшем случае это дорога к духовному самоубийству. В лучшем — искушающая ложная колдунья, надолго сбивающая с пути немало путников.

* Признаком такого лидера служит то, что вместо того чтобы настаивать, чтобы его последователи сами искали свой сокровенный Источник и соответственно принимали ответственность за свои жизни, он поощряет их брать пример и полагаться на него. Он может объяснять это так, что подчинение ему, внешнему гуру, — это первый шаг к отделению себя внутреннему Гуру, их истинному Я, но на практике может оказаться, что сделать этот второй шаг, требующий

Истинный путь пролегает прямо через эту Преграду, которую наша западная традиция называет «темной ночью души». Эвелин Андерхилл (эксперт) пишет об этом: «Я» в первом очищении протерло зеркало восприятия и в своей озаренной жизни увидело Реальность... Теперь оно должно стать Реальностью, что совсем другое дело, потому что необходимо новое и коренное очищение — не органов восприятия, а самой обители "я", того "сердца", которое есть центр личности, источник ее любви и воли». В определенном смысле это и есть настоявшее начало Пути, подлинной духовной жизни, не что иное, как самоотдавание, отказ от себя, сопровождающий все происходящее с человеком, умирание отдельного иллюзорного это (я есть нечто) и рождение единого и лишнего этого эгоизма Это (Я ЕСТЬ). Можно сказать, что весь духовный рост до этого момента был просто подготовкой к этому важному и труднейшему этапу Пути, ведущему к Прорыву.

правильного поворота, становится все труднее и труднее по прошествии месяцев и годов растущей преданности. С другой стороны, если гуру *по-настоящему* хочет, чтобы его ученики освободились от него как можно скорее и обратились внутрь, к своей собственной Самодостаточности, он найдет способ помочь им в этом, в результате чего их любовь и благодарность только усилятся.

8. Прорыв

Он равнозначен глубокому выражению намерения. *Это осознание на глубочайшем уровне, что твое самое сильное желание — чтобы все было таким, какое оно есть, это видение того, что все это исстекает из твоей истинной Природы, Осознанного Пространства здесь.*

Как совершить этот прорыв? Что ты можешь сделать, чтобы приблизить его?

В каком-то смысле, ничего. Это не делание, а неделание, отказ, отбрасывание ложной веры в то, что здесь есть кто-то, от кого следует отказаться. Что еще можно было бы сделать? В конце концов, твое первоначальное внутреннее видение, не важно, насколько «короткое» и «поверхностное», уже было полным отказом от себя: все ушло, или, точнее, было ясно, что нет ничего, что могло бы уйти. Это был существенный квантовый скачок из выдумки эгоцентричности в действительность нуля-центричности. И несомненно, что добросовестное ежедневное видение, практикуемое с того момента, — видение, что ты уже есть Ничто и Все, — самая ценная подготовка к открытию того, что на глубочайшем уровне у тебя уже есть намерение Ничего и Всего. Тогда сама жизнь — если только мы выучим ее неизменно мудройд, но часто мучительный урок — всегда будет показывать, что достижение наших отдельных личных целей приводит лишь к краткому удовлетворению, за которым следует

разочарование и скука, если не отращение. А когда у нас хватает ума сказать ДА! обстоятельству и с готовностью принимать (а не неохотно соглашаться) все, что происходит, тогда и начинается бить ключом та истинная и нескончаемая радость, называемая в восточной традиции *анандой*.

Является ли этот прорыв выходом за пределы Явного в неявное, за пределы Обычного в необычное, за пределы мирского и самоочевидного в эзотерическое, мистическое, глубоко затененное духовное? Стал ли теперь ненужным компас — наша детская вера в Данность — вершая нас до сих пор в нашем долгом путешествии? Совсем наоборот. По эту сторону преграды лежит истинная родина Обычного, парадно Очевидного, Того, Что Есть. С другой стороны, до прорыва, как сурово наши желания затмевали, искажали и скрывали видимое, а наши привязанности — наша любовь и ненависть — заполоняли и затуманивали нашу центральную Ясность и ослепляли нас, не позволяя увидеть реальное! Как часто мы видели лишь то, что хотели увидеть, и наше желание коверкало наше внимание! (Вот два примера принятия желаемого за действительное: я так отчаянно хотел быть таким же, как люди вокруг, что в течение десятилетий «видел» голову и на этом туловыше. По той же причине микроскописты XVII в. «видели» и рисовали целовещескую сперму как крошечные и вытянутые

человеческие существа!) По ту сторону преряды наша предвзятость разрушает Очевидное, по эту сторону Очевидное разрушает нашу предвзятость. Эта преряда — не что иное, как крайняя степень защиты нашей предвзятости, или это, его самая трозная, но безнадежная оборона против атаки неизбежных фактов. И то, что преодолевает ее, все больше принадежит тому же реализму, тому же благодарному почитанию Того, Что Есть, — Явно Данному, Вопиюше Очевидному, ведущему нас этим путем до самой преряды. В терминах нашей запальной традиции, наш прорыв — это наше безусловное и вечно обновляемое приятие воли Бога, явно выраженной в обстоятельствах, — воли Бога, открыто проявленной вокруг и внутри нас, в форме всего, что происходит прямо сейчас. И поскольку его воля становится нашей волей, мы видим его мир таким, какой он есть, и поскольку мы видим его таким, какой он есть, наша воля становится его волей и мы всем сердцем приветствуем то, что этот мир несет нам. Здесь, вкратце, наше видение и наша воля сливаются в одно — не раз и навсегда, конечно же, а миг за мигом, пока продолжается жизнь.

Чтобы еще прояснить это сливание видимого и намериваемого, вернемся к приведенному ранее высказыванию из одной проповеди Будды: «Нирвана видима в этой жизни, маняща, привлекательна, доступна мудрому ученику». Что же такое эта так ясно видимая Нирвана?

В той же проповеди она описана как «Покой, Высочайшее... конец пристрастий, отвращение от желаний». Здесь наконец-то трещина задепывается, не остается разреза, отделяющего Ничто, которое так ясно *видно*, от Ничто, которое сейчас так глубоко *ощущается*, — как безусловная капитуляция воли. Или, повторяя слова Будды, конец пристрастий.

Если вообще можно говорить о высших переживаниях, это (как уверяет нас Будда) высочайшее из них, и оно неотделимо от самого низшего переживания. Глубина есть высота, и наоборот, бесконечное понижение есть бесконечное возвышение, полная потеря себя есть полная реализация себя. Вот как обрести свой путь — наконец оставить все притворство и быть *собой*. Великий христианский специалист по самооглавлению, Жан-Пьер Коссад, пишет: «Если ты отбросишь всю слержанность, будешь осуществлять свои желания до предела, откроешь сердце безгранично, не останешься ни единого мгновения, когда ты не смог бы обрести все, что ни пожелаешь. Настоящий миг содержит в себе безграничные богатства за делом твоих самых необузданных мечтаний».

Для равновесия и полного контраста постигло, но тождественности по сути, приведу дзенскую историю. У одного мастера был одаренный ученик, которого он решил послать к великому учителю, который мог добавить последний штрих к его обучению и указать путь к

высочайшему дзэнскому опыту. К удивлению ученика, этот лучший из учителей оказался бедной и больной старухой, у которой он не мог ничему научиться. Однако в конце она открыла истину: «Я ни на что не жалуюсь!»

В этом шедьвре трезвости, подобно пронизанному энтузиазмом высказыванию Коссада, речь идет о благословении, высшей радости, всегда так просто присутствующей в твоём видении (с мудростью и блаженной наивностью), что здесь у нас нет головы, нет вообще чего бы то ни было. Какой долгий путь мы проделали, чтобы обнаружить сокровище, которое всегда было с нами!

Выводы и заключение

Этот Путь ставит безголовость, то естьглядывание в Ничто, в самое начало духовной жизни. С самого начала это «истинное видение, вечное видение», и оно совсем не меняется и не улучшается в процессе путешествия. Это ипущий, но мягкий Свет, освещающий все этапы Пути. Это исполняющая желания жемчужина, Данность — когда-то презираемая и наводящая страх — но, как оказывается, в конце дающая нам с любовью все, чего мы хотим. Или это Скала, основание, поддерживающее многоэтажное строение религии, которое всегда в реконструкции и опасно перекошено, — становится одним сердцем или одной головой, аскетичным или чувственным, потусторонним

или по уши погруженным в политику и т. д. И пока мы ищем свое место на этом Основании, мы слетка теряем равновесие, мы шатаемся, колеблемся между крайностями. Но повторю (поскольку метафоры Этого неистощимы): это самый Хлеб Жизни, который, хотя и не имеет вкуса, поистине питателен, и более того, беспечивает деликатесами — духовными и мистическими вкусами, — которые иногда намазаны на него. К счастью, в нашей кладовой, где иногда может недоставать аппетитных добавок к нашей диете, никогда не истощается запас Эссенции Жизни.

Сказав это, мы должны скорее повторить, что само по себе, не поддерживаемое постоянной практикой и глубоким пониманием, а также (превыше и пренеже всего) отказом от разделяющей личной воли, наш начальный опыт безголовости пока еще бесполезен. Об этом мимолетном открытии можно сказать только, что (хотя его и можно использовать во вред), оно само по себе еще никому не приносило вреда, что оно действительно открывает ненадолго окно в Вечность и что те перь, когда петли распатаны, это окно может в любой момент распахнуться настезь от божественного ветра и остаться широко раскрытым. То, что мы есть, непременно раскроет Себя в венце своей свежести, теплоты и сияния, своей пылающей очевидности, именно тогда, когда это и должно случиться.

Послесловие

Предположим, что ты захочешь пойти по этому Пути. В этом случае ты, возможно, будешь задавать такие вопросы: «Куда мне идти отсюда? Кто будет меня направлять и поддерживать? К какой группе мне присоединиться?»

Для духовного движения, такого же живого и своеобразного, как и большинство остальных, Пути без головы сильно не хватает организованности. Он, как и следующие по нему люди, лишен головы — в том смысле, что у него нет руководителя, правящего совета или штаба, а также персонала, следящего за официально занесенными в картуотеку оплачиваемыми членами, которые регулярно встречаются и пытаются следовать определенным правилам.

Причина такого отсутствия структуры лежит не в недостатке энтузиазма или нежелании распространять опыт этой книги. Скорее наоборот. Она возникает из природы самого опыта, как абсолютная уверенность в Себе. Или, точнее, из четверного осознания, что путь настоящей жизни — смотреть внутрь и видеть То, Кто это делает, что только ты можешь видеть этого «Кто», что это внутреннее

видение делает Тебя самым главным в этих делах и что таким образом твой путь не будет следовать какой-то заданной сверху структуре, соответствующей той или этой книге, личности или системе. Например, хотя ни один из описанных здесь восьми этапов невозможно пропустить, ты вполне можешь обнаружить, что проходишь их в другом порядке, наиболее подходящем именно тебе.

Если смотреть на них со стороны как на сокрытие мнимых безголовых персонажей, делающих свое дело, их видима анархия сразу становится огромным недостатком (поскольку организация необходима, чтобы слвинуть что-то с мертвой точки), а также достоинством (поскольку организации порождают массу проблем, загуманивающихся, если не разрушающихся, те самые вещи, которые они по замыслу должны продвигать вперед). Если смотреть на них изнутри, однако, эта житейская мудрость здесь не годится: здесь нас заботят не вещи, а Ничто, из которого они возникли, Неопределимое, сводящее на нет все планы обозначить его на карте и сделать из него нечто. К чему организовывать группу или фракцию, немедленно разделяющую человечество на нас, озаренных внутренним, и тех темных внешних, фракцию, заявленная цель которой — показать, что такое разделение нет, что в действительности они есть мы и что мы все уже совершенно просветлены? Правда в том, что Путь без головы — во-

обше не путь, не средство достижения какой-то цели. **Все, чего только может пожелать сердце, шедро дано тебе с самого начала.** Это сильно отличает его от дисциплин и курсов, поступающих постепенно увеличивающимися партиями с обещанием, что настоящие товары будут когда-нибудь доставлены. А пока необходима эта организация, чтобы установить правила и скоординировать весь бизнес. Кто захочет присоединиться к такой системе и платить большие деньги (после долгой подготовки) за то, что у него и так уже есть во всей полноте, — прижато крышкой, взбогланное и теперь льюшееся через край?

Наша главная цель, таким образом, то есть взглядывание и проживание в Ничто, неизменно системопорна. Для всех других целей мы можем присоединяться к любой организации, к какой только пожелаем. Это значит, что не имея собственной «церкви», мы практически не представляем никакой угрозы для других и легко можем учиться у них и содействовать им. Фактически, множество наших «безголовых» друзей считают, что очень полезно присоединиться к какому-нибудь признанному религиозному или квазирелигиозному сообществу. Но безголовый остается Единственным, видит себя как Одного и смотрит в лицо своему Одиночеству. На этом уровне никаких других нет.

Тем не менее, спускаясь теперь на тот уровень, где существуют другие, трудность под-

держания этого видения самому, путешествия по этому пути в одиночку, вряд ли можно преувеличить. Для большинства из нас, увлеченных этим чрезвычайно смелым и суровым приключением, компания спутников совершенно необходима. И было бы нереалистично и даже безответственно и безразлично, если бы мы поощряли людей принимать идею этой книги близко к сердцу, но не позаботились бы о постоянной поддержке, допускаемой этим начинанием. И на самом деле, у нас есть что предложить читателю, который настроен идти вперед.

Первое и главное: есть множество верных друзей, целая сеть видящих (хоть и редкая, разбросанная и совершенно неформальная), которые используют все доступные для поддержки связи способы. Второе: некоторую помощь в этом деле может оказать нерегулярный журнал под названием «Shate It», чья цель включает связывание безголовости с великими духовными традициями и вообще со всеми аспектами самой жизни. Редактор журнала — Энн Сьюард (Anne Seward), Spitch Lane, Playford, Ipswich, England, телефон в Ипсвиче (0473) 624556. (Воспользуюсь возможностью сообщить, что среди множества друзей, помогающих создавать последнюю главу этой книги, Энн Сьюард внесла такой большой вклад, что практически стала соавтором.) Третье: кроме большой и ценной (и все более доступной) мистической литературы мира — мистиче-

ской в том смысле, что она указывает на наше истинное Я, — есть небольшое число книг и других материалов того же автора. Подробнее об этом — в конце этой книги. Информацию о семинарах, проводимых автором и другими и задуманных таким образом, чтобы делиться безоголовостью, также можно получить у Энн Сьюард, которой следует послать предложение и вопросы. И четвертое и последнее: если безголовых друзей по-прежнему трудно отыскать, то, может быть, проще их сделать? Это состояние, несмотря на все сопротивление, довольно заразно и крайне передаваемо. В любом случае лучший способ поддержать его — это передавать его дальше.

Но в конце концов все подобные размышления и затеи довольно незначительны. Поскольку к этому видению мы приходим не как люди или множество обособленных индивидов, помогающих друг другу увидеть, Кто они такие на самом деле, а, как сказано в Упанишадах, как «Один Видящий во всех существах». Видение себя — привилегия и особенность Одного, и в конце все наши организованные и хаотичные усилия содействовать этому видению совершенно смехотворны.

На наш начальный вопрос «Куда теперь идти?» ответ такой: никуда. Давайте решительно останемся прямо здесь, чтобы видеть и быть Тем, что есть сама Очевидность, и сами будем отвечать за последствия. Все будет хорошо.

Другие книги Дугласа Хардинга

The Hierarchy of Heaven and Earth

Head of stress

The Science of the First Person

Look for Yourself

Face to No Face

The Little Book of Life and Death

To Be and not To Be

Seeing who you really are
(by Richard Lang)